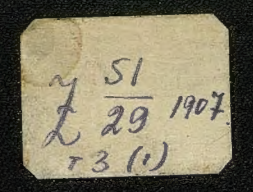

51
29 1907
Т3 (1)

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
des XVIIIe et XIXe siècles
III томъ
1 выпускъ
TOME III
FASCICULE 1
1907
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

ТОМЪ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1907

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

TOME III

Sᵀ-PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT
1907

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены въ III томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

---

*) Цыфры указываютъ №№ изображеній.

Index alphabétique des Artistes

dont les œuvres figurent au Tome III des PORTRAITS RUSSES.

(Les numéros sont ceux des portraits.)

Нѣкоторыя поправки и дополненія.

Текстъ.

№ 1.— „Съ 1820 г.“—должно быть: „Въ 1820 г.“.
№ 19.— Сыновья М. А. Львовой: Леонидъ и Александръ, Николая не было.
№ 23.— Ливену въ 1789 г. было „15 лѣтъ“ (а не 19).
№ 26.— „Полонизація“, а не „*к*олонизація“.
№ 36.— Д. Л. Нарышкинъ родился 30 Мая 1758 года (СПб. Некрополь).
№ 42.— Княжна Александра Алексѣевна Куракина: 19 Октября 1819 г. И. П. Мартосъ писалъ, что сдѣлалъ „статую Апостола Петра для монумента надъ гробомъ А. А. Чичериной“ (Кіевская Старина, 1896, II, 353).
№ 50.— Миніатюра, изображающая младенца сына графа В. Зубова (по преданію Ф. П. Уварова), имѣется у Д. Н. Гурьева, въ С.-Петербургѣ.
№ 58.— Мужъ Юліи Адлербергъ не былъ „графомъ“.
№ 61.— Д. „Студ*ен*о*в*ка“—должно быть: „Студянка“.
№ 81.— Годъ рожденія А. А. Перовскаго 1787 (а не 1789).
№ 88.— Годъ рожденія Грейга 1736 (а не 1735), годъ же рожденія его сына Алексѣя 1775 (а не 1766).
№ 94.— Телешова „прожила еще 23 года“ (а не „27 лѣтъ“).
№ 98.— А*к*ександра — вмѣсто: Александра.
№ 113.— Сыновья Н. А. Львова: Леонидъ и Александръ, Николая не было.
№ 115.— Годъ рожденія Т. Б. Потемкиной 1797 (а не 1801).
№ 124.— Григорій Чертковъ женатъ на Софіи Николаевнѣ Муравьевой, а не на княжнѣ Мещерской.
№ 153.— А. Н. Боголюбовъ — нужно: А. П. Боголюбовъ.
№ 154.— Ал*и*мова — нужно: Алымова.
№ 160.— Имя художника: Бугаевскій-Благодарный.
№ 166.— Графъ Ю. А. Головкинъ родился въ 1762 году (а не въ 1749).

Таблицы.

XXIII — Х. А. Ливенъ: годъ рожденія 1774 (а не 1770). Портретъ письма Лоренса.
XXVIII — Годы рожденія: княжны Хованской 1762 (а не 1758) и Хрущовой 1761 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1773 г. (подпись художника).
XXIX — Годъ рожденія Борщевой 1759 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1776 г. (подпись художника).
XXX — Молчанова: даты должны быть: 1758—1809 (а не 1762—1813). Портретъ писанъ въ 1776 г. (подпись художника).
XXXII — Левшина: годъ рожденія 1757 (а не 1758). Портретъ писанъ въ 1775 г. (а не въ 1773 г.; подпись художника).
XXXV — Портретъ писалъ въ С.-Петербургѣ, въ 1801 г., Эдуардъ Стрекль.
XLII — Княжны Куракины родились: Елена въ 1787 г., Александра въ 1788 году.
LVIII — № 76.— А. П. Бунина: годъ смерти 1829 (а не 1828); портретъ былъ въ собраніи М. П. Погодина, писанъ Варнекомъ.
„ — № 77.— А. О. Смирнова: годъ рожденія 1809 (а не 1810).
LXII — № 87.— Сара Грейгъ: годъ рожденія 1752 (а не 1742).
LXXII — № 117.— Княгиня Е. П. Голицына: умерла въ 1824 г. (а не въ 1823).
LXXVII — № 133.— Князь П. С. Гагаринъ: годъ рожденія 1754 (а не 1752).
LXXXIV — № 160.— В. Л. Боровиковскій: годъ смерти 1825 (а не 1826). Писалъ Бугаевскій-Благодарный.
C — № 208.— Е. П. Васильчикова — даты рожденія и смерти должны быть: 1754—1832.
„ — № 209.— В. А. Васильчиковъ—даты рожденія и смерти должны быть: 1754—1830.

Corrections et additions.

№ 42. — Le sculpteur Martos écrivait, en date du 19 octobre 1819, qu'il avait fait „une statue de l'Apôtre Pierre pour le tombeau de Mme A. Tchitchérine" (Kiewskaïa Starina, 1896, II, 353).

№ 50. — Il y a une miniature représentant le jeune fils du comte V. Zouboff (fils en réalité, selon la tradition, de Th. Ouvaroff), chez D. Gourieff, à St-Pétersbourg.

№ 76. — Le portrait ci-joint a fait partie de la collection de M. Pogodine.

ERRATA

TEXTE

Numéro	*ligne*	*au lieu de:*	*lire:*
2	10 *du bas*	eues	eu
4	12 *du haut*	amusement	amusements
,,	12 ,, ,,	princesse	comtesse
7	10 *du bas*	paralytique	et paralytique
11	10 ,, ,,	Rosia	Ross
13	16 ,, ,,	vieux camarade	collègue et ancien
18	17 *du haut*	du comte Pierre	de la comtesse Prascovie
19	9 *du bas*	Nicolas	Alexandre
23	3 *du haut*	19	15
26	12 *du bas*	colonisation	polonisation
30	3 *du haut*	Balk-Polévoï	Balk-Poleff
35	*(signat.)*	Strocly	Stracly
36	1 *et* 2 *du haut*	1764	1758
38	*(signat.)*	C. Orloff	E. Orloff
54	2 *du haut*	Chtchetneff	Chetneff
58	1 *du bas*	du comte	de
62	17 ,, ,,	I. Chouvaloff	P. Chouvaloff
72	6 *du haut*	1ère	de 1re
,,	7 ,, ,,	2de	de 2e classe
,,	18 *du bas*	Dmitrovsky	Dmitroff
,,	11 ,, ,,	Totemsk	Totma
,,	9 ,, ,,	18	du 18
73	8 ,, ,,	les vers de Joukowsky	ses vers
75	12 ,, ,,	Nicandrowitch	Nicanorowitch
76	10 *du haut*	fa	la
,,	16 ,, ,,	londé	fondé
78	6 *du bas*	Kristine	Christin
81	1 *du haut*	1789	1787
84	18 *du bas*	(prhier ier)	(voyelle muette)
,,	18 ,, ,,	Nouvelles	Comptes Rendus
85	17 ,, ,,	lattérales	latérales
88	1 *du haut*	1735	1736
,,	3 *du bas*	1766	1775
94	18 *du haut*	27	23
110	14 *du bas*	belle-mère	beau-père
113	9 ,, ,,	Paladieff	de Palladio
,,	4 ,, ,,	Nicolas	Alexandre
115	10 ,, ,,	1801	1797
120	12 *du haut*	Blagovo	de Blagovo
124	18 ,, ,,	la princesse Mechtchersky	Sophie Nicolaewna Mouravieff
128	6 ,, ,,	M. B.	B. N.
154	4 ,, ,,	Alimoff	Alymoff
158	9 ,, ,,	division	brigade
159	2 ,, ,,	Ivanowna	Antonowna
160	*(signat.)*	Bougaewsky-Blagodatny	Bougaewsky-Blagodarny
166	3 *du haut*	1749	1762

PLANCHES

Planche	*numéro*	*au lieu de:*	*lire:*
II	2	Marie	Mavra
XXIII	23	1770	1774
„	„	*Ajouter:*	Peint par Lawrence.
XXVIII	28	1758—1813	1762—1813
„	„	1758—	1761— . . . .
XXIX	29	1758	1759
„	„	Lévitsky.	Lévitsky, 1776.
XXX	30	1762—1813	1758—1809
XXXII	32	1758	1757
„	„	1773	1775
XXXV	35	*Ajouter:*	Peint par Stracly, 1801.
XLII	42	178 .	1787
„	„	1789	1788
LVIII	76	1828	1829
„	„	*Ajouter:*	Peint par Warneck.
„	77	1810	1809
LXII	87	1742	1752
LXXII	117	1823	1824
LXXVII	133	1752	1754
LXXXIV	160	1826	1825
„	„	Blagodatny.	Blagodarny.
C	208	175 .—1837	1754—1832
„	209	1750—18 . .	1754—1830

Le présent Fascicule 4 est le dernier

du Tome III des

PORTRAITS RUSSES

Le Fascicule 1 du Tome IV paraîtra en Mars 1908.

Les souscriptions au Tome IV sont reçues:

à Saint-Pétersbourg,

aux Bureaux du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch (Millionnaïa, 19),

aux librairies du «Novoïé Vrémia», Wolff et Ricker,

et à la Manufacture des Papiers de l'Etat (Fontanka, 144);

à Moscou, à la Photographie Fischer (Pont des Maréchaux), à la librairie Chibanoff (Nikolskaïa) et au magasin d'antiquités Werkmeister (Léontiewsky péréoulok);

à Riga, à la librairie Kymmel.

Prix du Tome IV, 50 roubles, payables aussi en quatre versements, savoir: 26 roubles à la souscription, et 8 roubles à la réception de chaque fascicule à partir du second. La souscription aux Tomes I, II et III continue. Pour les souscripteurs aux Bureaux du Grand-Duc, envoi franc de port dans toute la Russie.

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящаго 4-го выпуска

III-й томъ изданія

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

оконченъ.

1-й выпускъ IV-го тома выйдетъ въ Мартѣ 1908 года.

Подписка на IV-й томъ принимается: въ конторѣ Великаго Князя Николая Михаиловича (Милліонная, 19); въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени", Вольфа и Риккера и въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ (Фонтанка, 144); въ Москвѣ—въ фотографіи К. А. Фишера (Кузнецкій мостъ), въ антикварномъ книжномъ магазинѣ П. П. Шибанова (Никольская) и въ магазинѣ антиквара Веркмейстера (Леонтьевскій переулокъ); въ Ригѣ—у Киммеля.

Цѣна IV-го тома 50 р.; допускается разсрочка: при подпискѣ 26 р., при полученіи каждаго слѣдующаго выпуска по 8 рублей; подписка на первые три тома продолжается. Подписывающіеся въ конторѣ Великаго Князя за пересылку не платятъ.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome III des PORTRAITS RUSSES: V. Chérémétewsky, E. Choumigorsky, A. Golombiewsky, S. Kaznakoff, I. Koubassoff, B. Modzalewsky, V. Saïtoff, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

Въ III томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ", въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующія лица: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, И. А. Кубасовъ, Б. Л. Модзалевскій, В. И. Сантовъ, Н. П. Чулковъ, В. В. Шереметевскій и Е. С. Шумигорскій.

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

PORTRAITS RUSSES

Свѣтлѣйшій князь ДИМИТРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1771 — 1844, сынъ бригадира князя Владиміра Борисовича отъ брака съ графиней Наталіей Петровной Чернышевой, извѣстной „princesse Moustache“ (см. т. I, №№ 41 и 42), родился 29 Октября 1771 года; онъ получилъ блестящее образованіе спачала дома, въ Москвѣ, у родителей, а потомъ въ Страсбургской военной академіи, гдѣ Голицынъ пробылъ шесть лѣтъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Борисомъ. Окончивъ курсъ въ этомъ, въ то время извѣстномъ, заведеніи, оба брата совершили со своими родителями путешествіе по Европѣ, а затѣмъ поселились въ Парижѣ, гдѣ молодые люди могли видѣть все великолѣпіе Версальскаго двора. Наканунѣ революціи Голицыны вернулись въ Россію, и князь Димитрій Владиміровичъ поступилъ на службу въ Конную гвардію. Тотчасъ послѣ поступленія въ ряды войскъ, князь Голицынъ имѣлъ счастіе попасть въ Польскую кампанію и отличиться при штурмѣ Праги въ 1794 г., подъ начальствомъ Суворова. Быстро подвигаясь въ чинахъ при Императорѣ Павлѣ, онъ уже былъ генералъ-лейтенантомъ въ 1800 году. Наполеоновскія войны выдвинули князя еще болѣе, и онъ пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную славу отличнаго кавалерійскаго генерала: Пултускъ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтъ, Гейльсбергъ, въ 1806 и 1807 гг., связаны съ именемъ князя Голицына. Послѣ Шведской войны князь вышелъ въ отставку, въ коей находился до 1812 г., и употребилъ это время на путешествіе по Германіи и на слушаніе лекцій въ тамошнихъ университетахъ. Когда Кутузовъ былъ сдѣланъ главнокомандующимъ, онъ поручилъ князю Д. В. Голицыну конницу 2-й арміи, съ которой Голицынъ успѣшно дѣйствовалъ подъ Бородинымъ, Вязьмой и Краснымъ. Въ 1813 г., продолжая командовать двумя кирасирскими дивизіями, князь принялъ дѣятельное участіе въ бояхъ подъ Бауценомъ, Люценомъ, Кульмомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ, а также въ кампаніи 1814 года. Послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, онъ командовалъ 1 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ и этимъ закончилъ свою боевую карьеру, имѣя почти всѣ военныя отличія. Съ 1820 г., послѣ смерти Тормасова, Александръ I назначилъ князя Голицына Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и въ этой должности онъ пробылъ 24 года, до своей кончины. На этомъ отвѣтственномъ посту Голицынъ проявилъ способности администратора и организатора, особенно важныя послѣ разоренія Москвы въ 1812 г.; онъ сумѣлъ заслужить всеобщую любовь и уваженіе москвичей, которые цѣнили его доступность, гостепріимство и справедливость. Императоръ Николай I осыпалъ его милостями, давъ ему титулъ свѣтлѣйшаго и свой портретъ, украшенный алмазами; Москва же доселѣ съ благодарностью вспоминаетъ время его правленія и учредила премію за лучшую его біографію. Послѣдніе годы своей жизни князь часто болѣлъ; въ 1843 г. онъ поѣхалъ лѣчиться за границу и скончался въ Парижѣ на 2-й день Пасхи, 27 Марта 1844 года. Вся Москва встрѣчала и провожала до могилы его тѣло; онъ погребенъ, рядомъ съ женой, въ церкви арх. Михаила, въ Донскомъ монастырѣ. Князь былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Васильчиковой (сестрѣ Илларіона Васильевича) и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Владиміра и Бориса, бывшихъ генералъ-адъютантами Императора Александра II, и двухъ дочерей. Свѣтлѣйшій князь Димитрій Борисовичъ Голицынъ, генералъ-адъютантъ и завѣдывающій царскими охотами нынѣ, при Императорѣ Николаѣ II, его прямой внукъ.

До конца своей жизни, князь Д. В. Голицынъ глубоко чтилъ свою своенравную мать, которая всегда была строга къ сыну и даже тогда, когда онъ сдѣлался генералъ-губернаторомъ, обращалась съ нимъ, какъ съ мальчикомъ. „Князь былъ видный мужчина, высокій ростомъ, съ величественной осанкой, имѣлъ прекрасные черты и цвѣтъ лица. Проведши всю свою первую молодость въ чужихъ краяхъ, онъ, конечно, хорошо зналъ иностранные языки и очень плохо русскій, такъ что, когда сдѣлался Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и ему приходилось говорить гдѣ-нибудь рѣчь, онъ самъ писалъ ее на французскомъ языкѣ, потомъ отдавалъ для перевода на русскій и почти затверживалъ, чтобы сумѣть прочитать по бумажкѣ. По впослѣдствіи онъ научился по-русски, и хотя у него сохранилось въ выговорѣ что-то иностранное, онъ, однако, объяснялся довольно изрядно. Онъ былъ очень близорукъ и, что странно, застѣнчивъ, и потому нѣкоторые считали его гордымъ, но кто зналъ его короче и бывалъ съ нимъ въ небольшомъ обществѣ, можетъ свидѣтельствовать, что кажущаяся гордость или необщительность происходила именно отъ природной застѣнчивости, а иногда отъ недостаточнаго знанія природнаго языка, что мѣшало ему привѣтствовать каждаго, какъ бы ему хотѣлось“.

(Съ портрета Рисс 1835 г.; принадлежитъ свѣтл. князю Д. Б. Голицыну, с. Б. Вяземы, Московской губ.)

Le prince sérénissime **DMITRI VLADIMIROWITCH GOLITZYNE**, 1771—1844, fils du prince Vladimir Borissowitch Golitzyne, brigadier, et de la comtesse Natalie Pétrowna Tchernycheff, la fameuse Princesse Moustache (v. T. I, №№ 41 et 42), naquit le 29 octobre 1771. Il reçut une brillante éducation, d'abord à Moscou, chez ses parents, puis à l'Académie Militaire de Strasbourg, où il passa six ans avec son frère aîné Boris. A leur sortie de cet établissement, alors renommé, les deux frères firent avec leurs parents un voyage en Europe, puis la famille se fixa à Paris, où les jeunes gens purent voir toute la magnificence de la Cour de Versailles. A la veille de la Révolution, les Golitzyne rentrèrent en Russie, et le prince Dmitri prit du service à la Garde à cheval. Il eut presque aussitôt le bonheur de se trouver à la campagne de Pologne et de se distinguer à l'assaut de Praga en 1794, sous les ordres de Souvoroff. Favorisé d'un avancement rapide sous l'Empereur Paul, il était déjà général lieutenant en 1800. Les guerres napoléoniennes le mirent encore plus en relief et lui valurent le renom entièrement mérité d'un parfait général de cavalerie: Pultusk, Preussisch-Eylau, Gutstadt, Heilsberg, en 1806 et 1807, sont liés à son nom. Après la guerre de Suède, il donna sa démission et resta en retraite jusqu'en 1812, voyageant en Allemagne et y suivant les cours des universités. Koutouzoff, devenu commandant en chef, lui confia la cavalerie de la 2e armée, avec laquelle il opéra avec succès sous Borodino, Viazma et Krasnoïé. Il prit, toujours à la tête de deux divisions de cuirassiers, une part active aux batailles de Bautzen, Lutzen, Kulm, Dresde et Leipzig, en 1813, ainsi qu'à la campagne de 1814. Il commanda ensuite cinq ans le 1er corps de cavalerie de réserve et termina là sa carrière active, titulaire de presque toutes les distinctions militaires. En 1820, à la mort de Tormassoff, Alexandre Ier le nomma général gouverneur de Moscou, et il le resta vingt-quatre ans, jusqu'à sa mort. Il déploya à ce poste difficile des talents d'administrateur et d'organisateur, particulièrement précieux en raison des ravages de 1812; il sut se concilier l'affection générale et l'estime des moscovites par son humeur accessible et accueillante et par son équité. L'Empereur Nicolas Ier le combla de faveurs, lui conféra le titre d'altesse sérénissime et son portrait enrichi de brillants, et Moscou parle encore avec reconnaissance du temps de son administration et a institué un prix pour la meilleure biographie qui serait publiée de lui. Les dernières années de sa vie, il fut fréquemment malade: il alla en 1843 se soigner à l'étranger, et mourut à Paris le Lundi de Pâques, 27 mars 1844. Tout Moscou vint au-devant de sa dépouille et suivit ses funérailles; il fut inhumé près de sa femme à l'église St-Michel, au monastère Donskoï. Il avait épousé la sœur d'Hilarion Vassiltchikoff, Tatiana Vassiliewna, dont il eut deux fils, Vladimir et Boris, aides de camp de l'Empereur Alexandre II, et deux filles. Le prince sérénissime Dmitri Borissowitch Golitzyne, général aide de camp et directeur des chasses Impériales, sous l'Empereur actuel Nicolas II, est son petit-fils.

Jusqu'à la fin de sa vie, le prince Golitzyne eut une profonde vénération pour sa fantasque mère, qui le tint toujours sévèrement, et, même devenu gouverneur de Moscou, ne cessa de le traiter en petit garçon. „Bel homme, grand, majestueux d'allure, il avait des traits et un teint magnifiques. Ayant passé toute sa première jeunesse à l'étranger, il savait naturellement bien les autres langues et très mal le russe, de sorte que, quand il avait un discours à faire, à Moscou, il le composait lui-même en français et se le faisait traduire en russe, pour l'apprendre presque par cœur et pouvoir le lire plus facilement. Mais dans la suite, il apprit le russe, et, malgré son accent étranger, le parla assez convenablement. Il avait une forte myopie, et, chose bizarre, de la timidité, interprétée parfois comme fierté; mais les personnes qui le connaissent de près et l'ont fréquenté en petite compagnie peuvent attester que cette apparente fierté ou insociabilité tenait bien à de la timidité naturelle, et parfois à une connaissance insuffisante de la langue, qui l'empêchait d'accueillir chacun comme il aurait voulu".

(D'après un original de Riss, 1835, appartenant au prince sérénissime D. Golitzyne, Bolchiya Viazémy, gouv. de Moscou.)

Пис. Риссъ. 1835

Peint. par Riss, 1835

Свѣт. Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ. 1771–1844

Le Prince Dmitri Vladimirowitch Golitzyne. 1771–1844

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшая княгиня ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ГОЛИЦЫНА, 1783—1841, дочь бригадира Василія Алексѣевича Васильчикова, женатаго на Екатеринѣ Иларіоновнѣ Овцыной, родилась 7 Января 1783 г.; въ царствованіе Павла I пожалована фрейлиной, а 6 Февраля 1800 г. вѣнчалась при дворѣ съ княземъ Димитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ. Мать князя Голицына, извѣстная „princesse Moustache“, „не считала Васильчиковыхъ довольно знатными, неохотно согласилась на бракъ сына, и первое время, говорятъ, невѣстка много терпѣла отъ своей самонравной и надменной свекрови“. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ и до назначенія Московскимъ генералъ-губернаторомъ, князь Голицынъ былъ въ отставкѣ, и супруги жили въ своемъ с. Рождественѣ, недалеко отъ Москвы. Здѣсь они построили домъ, обновили церковь, развели прекрасный садъ; „княгиня любила цвѣты и много занималась садомъ, построила оранжереи, и все было въ небольшихъ размѣрахъ“ (позднѣе княгиня сдѣлалась учредительницей въ Москвѣ Общества любителей садоводства). „Домъ былъ отдѣланъ внутри очень просто: вездѣ березовая мебель, нигдѣ ни золоченія, ни шелковыхъ матерій, но множество портретовъ семейныхъ; въ билліардной была большая семейная картина—изображеніе семейства Чернышевыхъ: фигуръ много и всѣ почти въ натуральную величину; кисть по времени прекрасная“.

Княгиня Голицына „и съ молоду не была красавицей, но трудно себѣ представить лицо болѣе пріятное и привѣтливое. Она была небольшого роста, худощавая и довольно слабаго здоровья. Голицыныхъ всѣ уважали, а княгиню, которая была ангельской доброты, отъ мала до велика всѣ обожали. Надо было видѣть, до чего она бывала привѣтлива на своихъ балахъ: весь вечеръ все ходитъ, для всѣхъ почти было у ней ласковое, привѣтливое слово, а ежели кому нечего ей было сказать—пройдетъ мимо и улыбнется“. Княгиня Голицына много сдѣлала добра для Москвы: ея попеченіями основанъ былъ домъ трудолюбія, учреждены сиротскія училища; она особенно заботилась „о распространеніи образованія среди дѣвицъ бѣднаго класса“ и „съ любовью матери“ заботилась о сиротахъ-дѣтяхъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и пріютовъ. Князь Шаликовъ еще въ 1824 г. писалъ къ портрету княгини:

„Не нужны лира, кисть, рѣзецъ,
Чтобы друзья добра женой плѣнялись сею!
Въ восторгѣ скажетъ мать, отецъ:
Домъ трудолюбія и нравовъ созданъ ею!“

Памятникомъ заботы княгини о крестьянахъ остался корзиночный промыселъ въ селѣ Б. Вяземахъ. Княгиня, бывши въ Швейцаріи, увидала тамъ производство корзинъ, выписала оттуда мастеровъ, которые и научили крестьянъ плести корзины изъ ракитника. И сейчасъ еще поѣзда на ст. Голицыно, Брестской ж. д., осаждаютъ жители этого села, предлагая купить разныя корзинки и плетеныя издѣлія.

У княгини Т. В. Голицыной было четверо дѣтей: дочери—Екатерина (за княземъ Н. В. Долгорукимъ) и Наталія (за гр. Н. А. Протасовымъ), и 2 сына—Владиміръ (р. 1815 г.) и Борисъ (р. 1819 г.). „Всѣ дѣти были очень хороши лицомъ; у меньшой изъ дочерей былъ прекрасный цвѣтъ лица, а мальчики въ дѣтскомъ возрастѣ были, какъ херувимы; обѣ княжны вышли замужъ очень молодыми“. Воспитаніе дѣтей „занимало время княгини; женщина умная, благочестивая и высокой добродѣтели, она была рождена для тихой семейной жизни“; она часто жалѣла въ Москвѣ о жизни въ Рождественѣ и говаривала: „Когда въ семействѣ бываютъ дочери и сыновья, воспитаніе однихъ мѣшаетъ обыкновенно воспитанію другихъ; я въ этомъ была особенно счастлива: когда воспитаніе моихъ дочерей окончилось, и я отдала ихъ замужъ, тогда началось воспитаніе сыновей, и я могла исключительно ими заняться“.

Княгиня Голицына въ день коронаціи Николая I была пожалована въ статсъ-дамы. Съ 30-хъ гг. здоровье ея окончательно разстроилось, но она не покидала до конца дней занятій дѣлами благотворительности. Послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій княгиня Голицына скончалась 28 Января 1841 г.; погребена она въ церкви св. арх. Михаила, въ Донскомъ монастырѣ. Въ печати появились ея некрологи, при чемъ издатель „Москвитянина“ писалъ: „Она давно уже жила для неба и какъ будто на небѣ; тамъ, тамъ получитъ она награду за свои земныя неземныя добродѣтели! Казалось, цѣлый городъ двинулся принести усопшей послѣднюю дань признательности и благоговѣнія“, а „С.-Петербургскія Вѣдомости“ замѣчали, что „Москва вполнѣ искренно раздѣляетъ безутѣшную скорбь своего градоначальника“.

(Съ портрета Риссъ 1835 г.; собственность свѣтл. князя Д. Б. Голицына, с. Б. Вяземы, Московской губ.)

La princesse sérénissime TATIANA VASSILIEWNA GOLITZYNE, 1783—1841, fille du brigadier Basile Alexéewitch Vassiltchikoff et de Catherine Ilarionowna, née Ovtzyne, naquit le 7 janvier 1783. Demoiselle d'honneur sous Paul Ier, elle épousa à la Cour, le 6 février 1800, le prince Dmitri Vladimirowitch Golitzyne, dont la mère, la fameuse Princesse Moustache, „ne trouvant pas les Vassiltchikoff d'assez haute noblesse, ne consentit qu'à regret au mariage, et, avec son caractère acariâtre et hautain, fit dans les premiers temps la vie dure à la jeune princesse". De la fin des guerres napoléoniennes à sa nomination comme général gouverneur de Moscou, le prince Golitzyne fut en retraite, et les époux habitèrent leur domaine de Rojdestvéno, près Moscou, où ils firent bâtir une maison, restaurer l'église et planter un jardin magnifique: la princesse, qui fonda plus tard à Moscou la Société des Amateurs de jardinage, „aimait les fleurs, s'occupait beaucoup de son jardin et y fit construire des serres. Tout était sur un pied modeste; l'aménagement de la maison était tout simple: un mobilier tout en bouleau, point de dorures ni de soieries, mais une quantité de portraits de famille; il y avait dans la salle de billard un grand tableau de famille représentant les Tchernycheff, avec de nombreux personnages, presque tous grandeur naturelle, et d'une très bonne facture pour l'époque".

La princesse Golitzyne „n'avait jamais été belle, même étant jeune, mais on ne saurait se figurer une personne plus agréable et plus avenante. Elle était de petite taille, maigre et délicate de santé. Les Golitzyne jouissaient de l'estime générale, mais la princesse, avec sa bonté angélique, était adorée de tous, du petit au grand. Il fallait voir quelle affabilité elle déployait à ses bals: toute la soirée sur pied, il n'y avait guère personne pour qui elle n'eût un mot aimable, accueillant, et, quand elle n'avait rien à vous dire, elle vous souriait en passant". Elle fit beaucoup de bien à Moscou: ce fut elle qui fonda une maison de travail et fit créer des écoles d'orphelins; elle mit un soin particulier „à la propagation de l'instruction parmi les jeunes filles de la classe pauvre", et témoignait une sollicitude „toute maternelle" aux pupilles des divers asiles et établissements de bienfaisance. Le prince Chalikoff écrivait dès 1824 au bas de son portrait:

„Point de pinceau, de lyre, d'ébauchoir,
„Pour lui gagner le cœur de tout ami du bien:
„Chacun ravi sait qu'on lui doit
„La maison de travail et de moralité!"

Il reste un monument de la sollicitude de la princesse pour les paysans, l'industrie de la vannerie au bourg de Bolchiya Viazémy. Elle avait vu cette industrie au cours d'un voyage en Suisse, et en fit venir des vanniers pour apprendre aux paysans à faire des paniers en cytise. Aujourd'hui encore, à la station de Golitzyno, sur la ligne de Brest, les villageois du bourg viennent aux trains offrir des corbeilles et de la vannerie de leur façon.

La princesse Golitzyne eut quatre enfants: deux filles, Catherine, mariée au prince N. Dolgorouky, et Natalie, au comte N. Protassoff, et deux fils, Vladimir, né en 1815, et Boris, né en 1819. „Tous ses enfants étaient très jolis; la plus jeune fille avait un teint magnifique, et les garçons, étant petits, étaient de vrais chérubins; les deux princesses se marièrent très jeunes". L'éducation des enfants „occupait le temps de la princesse; intelligente, pieuse et d'une haute vertu, elle était née pour la vie de famille paisible"; à Moscou, elle regretta souvent la vie de Rojdestvéno, et répétait: „Quand il y a dans une famille des filles et des garçons, l'éducation des uns gêne ordinairement celle des autres; j'ai été favorisée sous ce rapport: quand l'éducation de mes filles a été terminée, et que je les ai eues mariées, celle de mes garçons a commencé, et j'ai pu m'en occuper exclusivement".

La princesse Golitzyne fut faite dame d'honneur le jour du couronnement de Nicolas Ier. Peu après 1830, elle perdit irremédiablement la santé, mais sans renoncer jusqu'à la fin de ses jours à ses œuvres de bienfaisance. Elle mourut, après de longues et cruelles souffrances, le 28 janvier 1841, et fut inhumée à l'église St-Michel, au monastère Donskoï. La presse inséra des nécrologes; le Moskvitianine disait: „Depuis longtemps, elle vivait pour le ciel, et, pour ainsi dire, au ciel; c'est là, c'est là qu'elle recevra la récompense des vertus qu'elle eut en ce monde et qui n'étaient pas de ce monde! La ville paraît être venue tout entière apporter à la défunte l'hommage de sa reconnaissance et de sa vénération", et les Péterbourgskiya Védomosti— „Moscou partage bien sincèrement l'inconsolable douleur de son gouverneur".

(D'après l'original de Riss, 1835, appartenant au prince sérénissime D. Golitzyne, Bolchiya Viazémy, gouv. de Moscou.)

2

Пис: Риссъ, 1836

Peint par Riss, 1836

Свѣт. Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, 1783-1841

La Princesse Tatiana Vassiliewna Golitzyne, 1783 1841

Графъ **ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ**, 1711—1762, сынъ генералъ-майора Ивана Максимовича отъ брака съ Татьяной Ермолаевной Нечаевой, 12-и лѣтъ опредѣленъ пажомъ къ Екатеринѣ I, а въ 1731 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ Цесаревны Елисаветы Петровны. Благодаря женитьбѣ на любимицѣ Цесаревны Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, Шуваловъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Елисаветѣ Петровнѣ, до самой своей кончины остававшейся неизмѣнно милостивой къ обоимъ супругамъ. По восшествіи Цесаревны на престолъ, Шуваловъ былъ пожалованъ въ камергеры, въ поручики лейбъ-компаніи и получилъ Александровскую ленту. Въ 1744 г. онъ получилъ чинъ генералъ-поручика и званіе сенатора, 5 Сентября 1746 г. возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство, въ 1751 г. произведенъ въ генералъ-аншефы и пожалованъ въ генералъ-адъютанты, въ 1753 г. получилъ Андреевскую ленту, въ 1755 г. назначенъ главноприсутствующимъ въ Межевой канцеляріи, въ 1756 г. — конференцъ-министромъ и генералъ-фельдцейхмейстеромъ, съ 1758 по 1760 г. былъ вице-президентомъ Военной коллегіи. По своему значенію и дѣятельности, Шуваловъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди дѣятелей Елисаветинскаго времени, между которыми не найдется никого, кто бы могъ посоперничать съ нимъ въ необыкновенной неутомимости и разносторонности. Почти все, что обсуждалось въ Сенатѣ съ 1745 по 1766 г. было предложено Шуваловымъ. Онъ не могъ существовать безъ проектовъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ государственныхъ нуждъ, главнымъ же образомъ арміи и финансовъ. Любимымъ его дѣтищемъ была артиллерія, въ усовершенствованіи которой онъ принималъ личное участіе (его знаменитыя гаубицы). По его иниціативѣ приступлено было къ генеральному межеванію и составленію новаго уложенія. При такомъ разнообразіи интересовъ не все выходившее изъ-подъ пера Шувалова могло быть зрѣло обдумано и полезно для государства, но уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, заботы объ усовершенствованіи артиллеріи, предположенія объ уничтоженіи подушной подати заслуживаютъ быть отмѣченными. Зато его мѣры, преслѣдовавшія увеличеніе государственныхъ доходовъ, достигали иногда совершенно противоположной цѣли. Такъ, передача горныхъ заводовъ и промысловъ частнымъ лицамъ только обогатила послѣднихъ, въ томъ числѣ и самого Шувалова, сосредоточившаго въ своихъ рукахъ всѣ Сѣверные и Каспійскіе рыбные промыслы, Гороблагодатскіе заводы, табачный и винный откупа и составившаго себѣ состояніе въ 400.000 рублей годового дохода. Полезныя стороны дѣятельности Шувалова остаются въ тѣни по винѣ его отрицательныхъ качествъ. Ему много вредило его стремленіе все захватить въ свои руки, его необыкновенныя самоувѣренность, властолюбіе и сребролюбіе. Заботясь о народномъ благѣ, онъ не забывалъ и себя; стараясь о соблюденіи повсюду правосудія, первый нарушалъ законы. Уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ онъ содѣйствовалъ успѣхамъ торговли, незаконными привилегіями и монополіями, въ которыхъ принималъ главное участіе, причинялъ ей только вредъ. Вліяніе Шувалова, особенно усилившееся съ тѣхъ поръ, какъ его двоюродный братъ сдѣлался фаворитомъ, было такъ велико, что Сенатъ безпрекословно исполнялъ его волю. Рѣзкій и надменный съ низшими, Шуваловъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ съ людьми, отъ которыхъ могла зависѣть его судьба: льстилъ Государынѣ, одаривая ея придворныхъ дамъ, старался подслужиться къ Разумовскому и терпѣливо выносилъ его побои. Шуваловъ обладалъ несомнѣннымъ умомъ и, по свидѣтельству князя Я. Шаховского, краснорѣчіемъ, хотя слогъ его проектовъ запутанный и неуклюжій. Одаренный красивой наружностью, онъ умѣлъ нравиться женщинамъ и даже въ концѣ жизни, по собственному его сознанію, „глазами и сердцемъ приносилъ жертву красотѣ“. По выраженію Щербатова, въ немъ „сластолюбіе, соединясь съ пышностью и властолюбіемъ, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами“. Въ концѣ царствованія Елисаветы Шуваловъ тяжко заболѣлъ, но, несмотря на свою болѣзнь, онъ оставался въ силѣ и въ первые дни царствованія Петра III, сдѣлавшаго его фельдмаршаломъ. 4 Января 1762 г. онъ скончался и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ.

Шуваловъ былъ женатъ дважды. Овдовѣвъ въ 1759 г., онъ въ Февралѣ 1761 г. женился на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Одоевской, скончавшейся отъ родовъ 20 Ноября того же года. Изъ дѣтей, родившихся отъ перваго брака, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ только одинъ сынъ Андрей.

(Съ портрета Рокотова; собственность графини Е. В. Шуваловой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1711—1762, fils du général major Ivan Maximowitch Chouvaloff et de Tatiana Ermolaewna, née Nétchaeff, fut fait, à l'âge de 12 ans, page de Catherine Ire, puis, en 1731, gentilhomme de la chambre de la Césarewna Elisabeth Pétrowna, dont son mariage avec la favorite Mavra Egorowna Chépéleff fit de lui un des plus intimes, et qui ne cessa jusqu'à sa mort de témoigner sa faveur aux deux époux. A son avènement, Chouvaloff fut fait chambellan, lieutenant de la compagnie du Corps et chevalier de St-Alexandre. Général lieutenant et sénateur en 1744, il fut, le 5 septembre 1746, élevé à la dignité de comte de l'Empire Russe, en 1751 promu général en chef et fait général aide de camp, en 1753 décoré de St-André, en 1755 nommé membre principal du tribunal d'arpentage, en 1756 grand maître de l'artillerie, et fut, de 1758 à 1760, vice président du Collège Militaire. Son importance et ses fonctions lui assurent une des premières places parmi les personnages du temps d'Elisabeth, dont aucun ne saurait rivaliser avec lui en raison de son activité infatigable et variée. Presque tout ce qui passa au Sénat de 1745 à 1766 émanait de lui. Il n'y avait pas d'existence pour lui sans projets dans les branches les plus diverses de l'administration, en particulier l'armée et les finances; mais son enfant chéri était l'artillerie, au perfectionnement de laquelle il contribua personnellement avec ses fameux obusiers. C'est à lui que revient l'initiative d'un arpentage général et celle du nouveau code. Avec une telle variété d'action, tout ce qui sortait de sa plume ne pouvait être mûrement conçu et utile à l'Etat, mais la suppression des douanes intérieures, les perfectionnements de l'artillerie, le projet de suppression de la capitation méritent d'être signalés. Par contre, ses mesures en vue d'accroître les revenus de l'Etat aboutirent parfois à un résultat tout opposé: ainsi la transmission à des particuliers des industries métallurgiques et autres ne fit qu'enrichir les titulaires, entre autres Chouvaloff lui-même, qui accapara toutes les pêcheries du Nord et de la Caspienne, les usines de Goroblagodat et les fermes du tabac et de l'alcool, et se fit 400.000 roubles de revenu annuel. Les traits défavorables de son caractère jettent une ombre sur les côtés utiles de son activité: ce qui lui fit beaucoup de tort, c'était sa manie de mettre la main sur tout, c'était aussi son assurance, son ambition et sa cupidité extraordinaires. Dans sa sollicitude pour le bien public, il ne s'oubliait pas lui-même: dans son zèle à faire respecter partout la justice, il était le premier à violer la loi. Sa suppression des douanes intérieures contribua aux progrès du commerce, auquel les affaires illégales de brevets et de monopoles dont il fut le principal agent ne firent que du tort. L'influence de Chouvaloff, considérablement accrue depuis l'élévation de son cousin au titre de favori, était si grande, que le Sénat accomplissait aveuglément sa volonté. Rude et arrogant avec ses inférieurs, il était tout autre avec ceux dont son sort pouvait dépendre, flattant l'Impératrice, avec les présents qu'il offrait à ses dames de Cour, flagornant Razoumowsky et endurant patiemment ses coups. Il ne manquait certainement pas d'esprit, ni, au témoignage du prince J. Chakhowskoï, d'éloquence, bien que le style de ses projets fût confus et gauche. Doué d'un physique avantageux, il savait plaire aux femmes, et, même sur ses vieux jours, de son propre aveu, „offrait ses yeux et son cœur en sacrifice à la beauté". Chez lui, selon l'expression de Chtcherbatoff, „la sensualité, jointe au faste et à l'ambition, l'emporta sur les bonnes mœurs". A la fin du règne d'Elisabeth, il tomba gravement malade, et néanmoins, il était encore puissant dans les premiers jours du règne de Pierre III, qui le fit feld-maréchal. Il mourut le 4 janvier 1762 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

Chouvaloff fut marié deux fois. Veuf en 1759, il se remaria en février 1761 à la princesse Anne Ivanowna Odoewsky, qui mourut en couches le 20 novembre suivant. Des enfants de son premier mariage, un seul, André, parvint à l'âge d'homme.

(D'après l'original de Rokotoff, appartenant à la comtesse E. Chouvaloff, St-Pétersbourg.)

Пис. Рокотовъ

Peint par Rokotoff

Графъ Петръ Ивановичъ
Шуваловъ, 1711-1762

Le Comte Pierre Ivanowitch
Chouvaloff, 1711 1762

Графиня МАВРА ЕГОРОВНА ШУВАЛОВА, 1708—1759, родилась 23 Апрѣля 1708 г. и по родству отца ея, Егора Ильича Шепелева, съ Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ, женатымъ на дочери пастора Глюка, считалась въ свойствѣ съ Екатериной I. Уже 11-и лѣтъ отъ роду она была „дѣвушкою" (камеръ-юнгферой) при комнатахъ царевны Анны Петровны, и съ этого времени начинается ея дружба съ дочерьми Петра Великаго, полюбившими рѣзвую и умную „Маврушку". По выходѣ замужъ Анны Петровны за герцога Голштинскаго, она въ 1727 г. сопровождала принцессу въ Киль, гдѣ оставалась при ней до ея смерти и вернулась съ ея тѣломъ въ Россію. Все это время она находилась въ постоянной перепискѣ съ Елисаветой Петровной, и эти письма ея, подъ которыми она подписывалась: „ваша раба и дочь и холопка и кузына", или „вѣрная ваша дочь Маврушка Шепелева", эти письма — крайне любопытныя по своей наивности и по бытовымъ подробностямъ жизни — представляютъ интересный и рѣдкій образецъ эпистолярнаго стиля русской женщины Петровской эпохи. Съ Цесаревной Елисаветой Шепелеву соединяла общность вкусовъ и привычекъ, любовь къ пѣнію, стихотворству, къ играмъ и забавамъ и драматическимъ представленіямъ. Ею была даже написана комедія, въ которой дѣйствующимъ лицомъ „въ образѣ богини, принцессы Лавры", была выставлена Елисавета Петровна. Комедія эта была представлена въ царствованіе Анны Іоанновны на домашнемъ театрѣ Цесаревны и, будучи сочтена за политическую демонстрацію, повлекла розыскъ Тайной канцеляріи. Любительница пѣнія и церковныхъ службъ, набожная Мавра Шепелева ѣздила въ 1738 г. въ Малороссію набирать пѣвчихъ для придворнаго хора Цесаревны и съ дороги писала ей, хвалясь „дишкантами и альтистами", которыхъ она везла изъ Нѣжина, гдѣ пребываніе ея было особенно пріятно. „Также водки сладкія, хорошія, очень дешевы", прибавляла она, „а не хуже дубельтовыхъ. Жидовъ множество, и видѣла ихъ собакъ. Алексѣю Григорьевичу отдаю поклонъ и прошу бутылочку шемпанскова прислать мнѣ на дорогу. Ей Богу, пію горѣлку!"

По восшествіи на престолъ, Императрица Елисавета въ Февралѣ 1742 г. выдала уже немолодую свою любимицу за своего камеръ-юнкера Петра Ивановича Шувалова, а въ день коронаціи пожаловала ее въ статсъ-дамы съ пребогатымъ портретомъ. Этому браку обязано было семейство Шуваловыхъ своимъ возвышеніемъ при дворѣ Елисаветы и своимъ вліяніемъ на Императрицу, которое, по словамъ Екатерины II, вполнѣ уравновѣшивало вліяніе Разумовскаго. Это не мѣшало Маврѣ Егоровнѣ подлаживаться къ Разумовскому и служить благодарственные молебны, когда мужъ ея возвращался съ охоты съ нимъ, „не будучи батожьемъ отъ него сѣченъ". Сама Екатерина, будучи Великой Княгиней, прибѣгала къ посредничеству Мавры Егоровны въ своихъ частыхъ недоразумѣніяхъ съ Императрицей, но въ запискахъ своихъ упоминаетъ о ней лишь вскользь по поводу очень непріятной болѣзни, которою страдала графиня Шувалова со времени рожденія своего перваго ребенка. Некрасивая и даже, по словамъ князя Долгорукаго, „довольно отвратительная", а по свидѣтельству князя Щербатова, „женщина, исполненная многихъ пороковъ", графиня Шувалова была „рѣдкаго ума и съ ничѣмъ несравнимой склонности къ интригѣ". Въ то же время она была преданной и любящей женой, добродушной и веселой женщиной, любившей хорошо поѣсть и выпить и играть въ азартныя игры.

Графиня М. Е. Шувалова скончалась 9 Іюня 1759 г. и похоронена въ Николаевскомъ Малицкомъ монастырѣ, близъ Твери, гдѣ, заболѣвъ во время беременности старшимъ сыномъ Николаемъ, получила исцѣленіе отъ иконы св. Николая Чудотворца въ 1742 году. Кромѣ этого сына, умершаго въ 1754 г., имѣла еще одного, Андрея (р. 1744 г., † 1789 г.).

(Съ портрета Рокотова; собственность Е. А. Балашовой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse MAVRA ÉGOROWNA CHOUVALOFF, 1708—1759, naquit le 23 avril 1708, et, en raison de la parenté de son père, Egor Ilyitch Chépéleff, avec Dmitri Andréewitch Chépéleff, marié à la fille du pasteur Glück, était considérée comme parente par alliance de Catherine Ière. Elle fut dès l'âge de 11 ans fille de service de la Tzarewna Anna Pétrowna, et c'est de cette époque que date son amitié avec les filles de Pierre-le-Grand, qui prirent en affection leur Mavrouchka pour son humeur sémillante et son esprit. Après le mariage d'Anna Pétrowna avec le duc de Holstein, elle accompagna en 1727 la princesse à Kiel, y resta près d'elle jusqu'à sa mort et ramena sa dépouille en Russie. Elle était alors en correspondance suivie avec Elisabeth Pétrowna, et ses lettres, signées „Votre esclave et votre fille et votre serve et votre cousine", ou „Votre fille fidèle Mavrouchka Chépéleff", et extrêmement curieuses par leur naïveté et leurs détails matériels, fournissent un intéressant et rare échantillon du style épistolaire de la femme russe de l'époque de Pierre-le-Grand. Elle avait avec la Césarewna Elisabeth une communauté de goûts et d'habitudes, la même passion pour le chant, la poésie, les jeux et amusement et les représentations dramatiques. Elle composa même une comédie dont un des personnages était, „sous la forme d'une déesse, la princesse Laure", Elisabeth elle-même, et qui, mise à la scène au palais de la Césarewna sous le règne d'Anne Ioannowna fut interprétée comme une démonstration politique et mit sur pied la Chancellerie secrète. Par amour pour le chant et les services religieux, la pieuse Mavra Chépéleff alla en 1738 en Petite-Russie chercher des chantres pour les chœurs de la Césarewna, à laquelle elle écrivit de là-bas pour lui vanter les sopranos et contraltos qu'elle ramenait de Néjine, où elle avait fait un séjour particulièrement agréable. „Et aussi des liqueurs, douces, excellentes, très bon marché", ajoutait-elle, „et pas plus mal que celles de Dubelt. Des Juifs en masse: je les ai vus, ces chiens de Juifs. Compliments à Alexis Grigoriewitch, et envoyez-moi, s'il vous plaît, une bouteille de champagne pour le voyage. Vrai de vrai, je bois du schnaps!"

Parvenue au trône, l'Impératrice Elisabeth maria en février 1742 sa favorite, déjà d'un certain âge, avec son gentilhomme de la chambre Pierre Ivanowitch Chouvaloff, et, le jour de son couronnement, la fit dame d'honneur avec portrait d'une grande richesse. C'est à ce mariage que les Chouvaloff durent leur élévation à la Cour d'Elisabeth et leur influence sur l'Impératrice, qui, dit Catherine II, faisait absolument contre-poids à celle de Razoumowsky: ce qui n'empêchait pas la princesse de flagorner celui-ci et de faire célébrer des services d'actions de grâces quand son mari avait été à la chasse avec lui et revenait „sans s'être fait rosser par lui". Catherine elle-même, étant Grande-Duchesse, avait souvent recours à son entremise dans ses fréquents malentendus avec l'Impératrice, mais dans ses Mémoires, elle ne parle d'elle qu'en passant, à propos d'une maladie fort désagréable dont elle souffrait depuis ses premières couches. Laide, et même, selon l'expression du prince Dolgorouky, „un peu repoussante", „femme", au témoignage du prince Chtcherbatoff, „remplie de vices", la comtesse Chouvaloff était „pétrie d'esprit et avait un penchant incurable pour l'intrigue". Epouse dévouée et aimante, d'humeur bienveillante et gaie, elle aimait la bonne chère, la boisson et les cartes.

La comtesse Chouvaloff mourut le 9 juin 1759 et fut inhumée au monastère Malitzky-Nikolaewsky, près Tver, où elle avait obtenu de l'image de St-Nicolas-le-Thaumaturge la guérison de la maladie qu'elle avait faite en 1742, étant enceinte de son fils aîné Nicolas. Outre ce fils, mort en 1754, elle en avait un autre, André (1744—1789).

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à Mme C. Balachoff, St-Pétersbourg.)

4

Пис Рокотовъ | Peint par Rokotoff

Графиня Мавра Егоровна
Шувалова, 1708 1759

La Comtesse Marie Egorowna
Chouvaloff, 1708-1759

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ Manufacture des papiers de l'Etat

5

Графъ **ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ КУШЕЛЕВЪ**, 1754—1833, адмиралъ, любимецъ Павла I, 10-и лѣтъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, въ 1768 г. произведенъ въ гардемарины, въ 1770 г. въ мичманы, послѣ чего принималъ участіе въ Архипелажской экспедиціи графа Орлова-Чесменскаго. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сдѣлался извѣстенъ Великому Князю Павлу Петровичу, пріобрѣлъ его расположеніе и назначенъ былъ командиромъ Гатчинской флотиліи. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ любимцевъ, которые никогда не подвергались опалѣ Павла I. При Екатеринѣ II Кушелевъ дослужился до чина капитана 1 ранга, въ 1793 году. По воцареніи Павла I, онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, затѣмъ переименованъ въ вице-адмиралы, а 7 Ноября 1796 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Въ 1798 г. Кушелевъ произведенъ въ адмиралы и назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи, 22 Февраля 1799 г. возведенъ въ графское достоинство и 29 Іюня того же года получилъ орденъ св. Андрея. Въ теченіе царствованія Павла I Кушелевъ принималъ ближайшее участіе въ судьбахъ русскаго флота, такъ какъ черезъ него шли всѣ распоряженія Государя по морской части. Онъ работалъ очень дѣятельно на пользу флота, въ особенности по части улучшенія корабельнаго дѣла и собиранія географическихъ картъ. Большое вниманіе обращалъ онъ также на изученіе моряками Балтійскаго моря. При немъ былъ составленъ новый уставъ военнаго флота, при чемъ самъ онъ написалъ: „Разсужденіе о морскихъ сигналахъ, служащихъ къ распоряженію военныхъ флотовъ“. По отзыву графа С. Р. Воронцова, Кушелевъ принесъ много пользы русскому флоту, бывшему до тѣхъ поръ „въ непростительномъ нерадѣніи“. По восшествіи на престолъ Александра I, онъ былъ устраненъ отъ дѣлъ и занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ Псковскомъ имѣніи, откуда только изрѣдка пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы навѣстить сиротъ-сыновей, воспитывавшихся у сестры его жены. Кушелевъ получилъ отъ Павла I большія земельныя владѣнія, и богатство его еще увеличилось послѣ его второго брака съ графиней Любовью Ильиничной Безбородко (р. 1783 г., † 1809 г.).

Графъ Г. Г. Кушелевъ оставилъ по себѣ память честнаго и „прекраснѣйшей души“ человѣка. Скончался онъ 14 Ноября 1833 года. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дочь Александру (за княземъ Алексѣемъ Александровичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ), отъ 2-го брака—2 сыновей: Александра (р. 1800 г., † 1855 г.) и Григорія (р. 1802 г., † 1855 г.).

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность В. П. Кочубея, въ Кіевѣ.)

5

Le comte GRÉGOIRE GRIGORIEWITCH KOUCHÉLEFF, 1754—1833, amiral, favori de Paul Ier, entra à l'âge de 10 ans à l'Ecole Navale; garde-marine en 1768, enseigne en 1770, il fit ensuite l'expédition de l'Archipel avec le comte Orloff-Tchesmensky. De retour à St-Pétersbourg, il se fit connaître au Grand-Duc Paul Pétrowitch, se concilia ses bonnes grâces et fut nommé commandant de la flottille de Gatchina. Il fut du petit nombre des favoris qui n'encoururent jamais la disgrâce de Paul Ier. Il parvint sous Catherine II au grade de capitaine de 1er rang, en 1793. Promu général major à l'avènement de Paul, il permuta ensuite vice-amiral, et fut fait le 7 novembre 1796 général aide de camp. Amiral en 1798, puis vice-président du Collège des Amirautés, il fut élevé à la dignité de comte le 22 février 1799 et décoré de St-André le 29 juin suivant. Il eut pendant tout le règne une part immédiate aux destinées de la marine russe, car toutes les mesures que prenait l'Empereur pour la partie navale passaient par ses mains; il joua un rôle très actif et très efficace, en particulier pour les constructions navales et la topographie marine. Il donna aussi tous ses soins à l'instruction des marins de la Baltique. Il fit rédiger un nouveau règlement de la marine de guerre et composa lui-même une Etude sur les signaux maritimes en usage dans les marines de guerre. Au témoignage du comte S. Worontzoff, il fit beaucoup de bien à la marine russe, avant lui „dans un impardonnable abandon". Destitué à l'avènement d'Alexandre Ier, il alla faire valoir son domaine de Pskoff, ne venant à Pétersbourg qu'à de rares intervalles pour voir ses fils, élevés, à défaut de leur mère, chez une tante maternelle. Il avait reçu de Paul Ier d'immenses biens-fonds, et devint encore plus riche par son second mariage avec la comtesse Bezborodko (1783—1809).

Le comte Kouchéleff mourut le 14 novembre 1833, laissant après lui la mémoire d'un honnête homme et „d'une âme splendide". Il eut de son premier mariage une fille Alexandrine, mariée au prince Alexis Alexandrowitch Lobanoff-Rostowsky, et du second deux fils, Alexandre (1800—1855) et Grégoire (1802—1855).

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à B. Kotchoubey, Kieff.)

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ, 1754–1833

Le Comte Grégoire Grigoriewitch Kouchéleff, 1754–1833

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

6

Графиня ЛЮБОВЬ ИЛЬИНИЧНА КУШЕЛЕВА, 1783—1809, дочь графа Ильи Андреевича Безбородко отъ брака съ Анной Ивановной Ширяй (см. т. II, №№ 11 и 12), вмѣстѣ съ сестрой Клеопатрой, впослѣдствіи княгиней Лобановой-Ростовской, была наслѣдницей колоссальнаго состоянія знаменитаго дяди, князя Александра Андреевича Безбородко. Фрейлина двора Императора Павла, она была богатѣйшей въ Россіи невѣстой, при чемъ на ея долю изъ наслѣдства князя приходилось движимаго и недвижимаго имущества, кромѣ капиталовъ, по самой скромной оцѣнкѣ, на 10 милліоновъ рублей. Ей было всего 16 лѣтъ, когда она, 2 Октября 1799 г., вышла замужъ за любимца Павла I графа Григорія Григорьевича Кушелева, 45-лѣтняго вдовца, человѣка, игравшаго въ то время видную роль при дворѣ и осыпаннаго милостями Императора. По свидѣтельству Шишкова, Государь былъ недоволенъ женитьбой Кушелева, и когда послѣдній заболѣлъ, Павелъ выразилъ увѣренность, что „англичанинъ", докторъ Виллie, его „уморитъ", прибавивъ: „Впрочемъ, не велика бѣда, если и умретъ! Онъ женился на богатствѣ и пошелъ въ холопы къ своей женѣ. Я самъ, сударь, люблю женщинъ, но не стану ѣздить за ними на запяткахъ!" Видя такое его на графа Кушелева негодованіе, Шишковъ осмѣлился сказать: „Государь, можетъ-быть, онъ не хорошо сдѣлалъ, что въ такихъ лѣтахъ женился, но я смѣю за него ручаться, что къ этому побудило его достоинство сей дѣвицы, а не богатство ея, въ которомъ онъ, будучи столько отъ Вашего Величества награжденъ, не имѣетъ никакой надобности"...

Графиня Л. И. Кушелева умерла, очень молодой, 14 Іюня 1809 г., оставивъ двоихъ маленькихъ сыновей: Александра (р. 4 Сентября 1800 г., † 6 Апрѣля 1855 г.), которому 6 Апрѣля 1816 г. разрѣшено именоваться графомъ Кушелевымъ-Безбородко, и Григорія (р. 1802 г., † 1855 г.). Графиня Кушелева погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность В. П. Кочубея, въ Кіевѣ.)

6

Пис Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Графиня Любовь Ильинична Кушелева, 178·-1809 | La Comtesse Lioubоff Ilyinitchna Kouchéleff, 178·-1809

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКОЙ, 1704—1795, побочный сынъ фельдмаршала князя Ив. Юр. Трубецкого, взятаго шведами въ плѣнъ при Нарвѣ, родился въ Стокгольмѣ 3 Февраля 1704 г.; мать его была шведка, по преданію принадлежавшая къ высшему обществу (баронесса Вреде или Спарре). Дѣтство его протекло въ Швеціи, въ семьѣ отца, очень къ нему расположенной. Точныхъ свѣдѣній объ его воспитаніи и образованіи не сохранилось, но извѣстно, что онъ учился въ Копенгагенскомъ кадетскомъ корпусѣ. Службу началъ Бецкой въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и въ 1722 г. былъ секретаремъ при послѣ въ Парижѣ князѣ В. Л. Долгорукомъ, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ состоялъ адъютантомъ при отцѣ. Дальнѣйшему его возвышенію содѣйствовала дружба Императрицы Елисаветы съ его сестрой принцессой Гессенъ-Гомбургской. Въ 1741 г. онъ былъ назначенъ камергеромъ къ Великому Князю Петру. Служба при маломъ дворѣ положила начало дружескому отношенію къ нему Екатерины II. Когда Бестужевъ счелъ нужнымъ перемѣнить составъ придворныхъ наслѣдника, Бецкой въ 1747 г. былъ уволенъ съ чиномъ генералъ-майора. Съ этого года до 1762 г. онъ почти все время находился за границей, и это пребываніе имѣло рѣшительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу: онъ заинтересовался устройствомъ въ чужихъ краяхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Во время пребыванія въ Парижѣ Бецкой сблизился съ г-жей Жоффренъ, въ знаменитомъ салонѣ которой собирались корифеи французской литературы, и подпалъ подъ вліяніе энциклопедистовъ, въ особенности Руссо. Тогда-то уже, безъ сомнѣнія, у него возникли тѣ педагогическіе идеалы, которые черезъ нѣсколько лѣтъ ему удалось примѣнить на практикѣ. Петръ III, по вступленіи на престолъ, вызвалъ Бецкого въ Россію, пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генералъ-поручика и назначилъ его главнымъ директоромъ Канцеляріи Строеній. По восшествіи на престолъ Екатерины II, передъ Бецкимъ открылось обширное поле дѣятельности, такъ какъ Императрица, сама поклонница французской просвѣтительной философіи, дала ему возможность осуществить его идеи. Бецкой былъ одушевленъ мыслью о возможности создать новую породу людей, болѣе способную воспріять европейскую цивилизацію, путемъ воспитанія молодого поколѣнія въ закрытыхъ, для огражденія его отъ вліянія порочной среды, учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ. По его плану былъ преобразованъ Шляхетный Сухопутный кадетскій корпусъ, и учреждено первое женское учебное заведеніе „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“ (Смольный). Затѣмъ устроены были имъ коммерческое и мѣщанскія училища, такъ какъ онъ придавалъ большое значеніе созданію въ Россіи образованнаго третьяго сословія. Наконецъ, ему обязаны своимъ возникновеніемъ Воспитательные дома, въ Петербургѣ и Москвѣ. Бецкой, кромѣ того, стоялъ во главѣ Академіи Художествъ въ качествѣ ея президента и продолжалъ управлять Канцеляріей Строеній. Ему обязанъ Петербургъ своей гранитной набережной и рѣшеткой Лѣтняго сада. За свои труды онъ былъ награжденъ чиномъ дѣйств. тайн. совѣтника (1767 г.), орденами св. Андрея (1768 г.) и Владиміра 1 ст. (1782 г.) и выбитой въ честь его медалью (1772 г.). Бецкой былъ близокъ къ Екатеринѣ II, долгое время былъ ея чтецомъ, но по мѣрѣ того, какъ онъ дряхлѣлъ, она стала охладѣвать къ нему. Подъ конецъ жизни онъ ослѣпъ и былъ разбитъ параличемъ. Скончался онъ 31 Августа 1795 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви. Бецкой не былъ женатъ. Большую часть своего состоянія онъ оставилъ своей „воспитанницѣ“ А. П. Соколовой (см. т. II, № 35). Человѣкъ самостоятельный, не честолюбивый, онъ больше всего думалъ о благѣ отечества. Въ то время какъ любимцы Екатерины II составляли громадныя состоянія, онъ сравнительно былъ небогатъ и много тратилъ на дѣла благотворенія. Съ виду холодный и суровый, онъ былъ привѣтливъ и добръ; очень любознательный, онъ находилъ время, чтобы заниматься разведеніемъ шелковичныхъ червей и искусственнымъ высиживаніемъ цыплятъ. Въ частной жизни онъ былъ крайне воздерженъ и велъ уединенный образъ жизни. Дѣятельность Бецкого подвергалась неоднократно осужденію и насмѣшкамъ, но за нимъ остается великая заслуга: онъ первый явился поборникомъ всеобщаго образованія, содѣйствуя распространенію грамотности въ народѣ и женскому образованію. „Quod aevo promeruit, aeterne obtinuit“, написано на его памятникѣ.

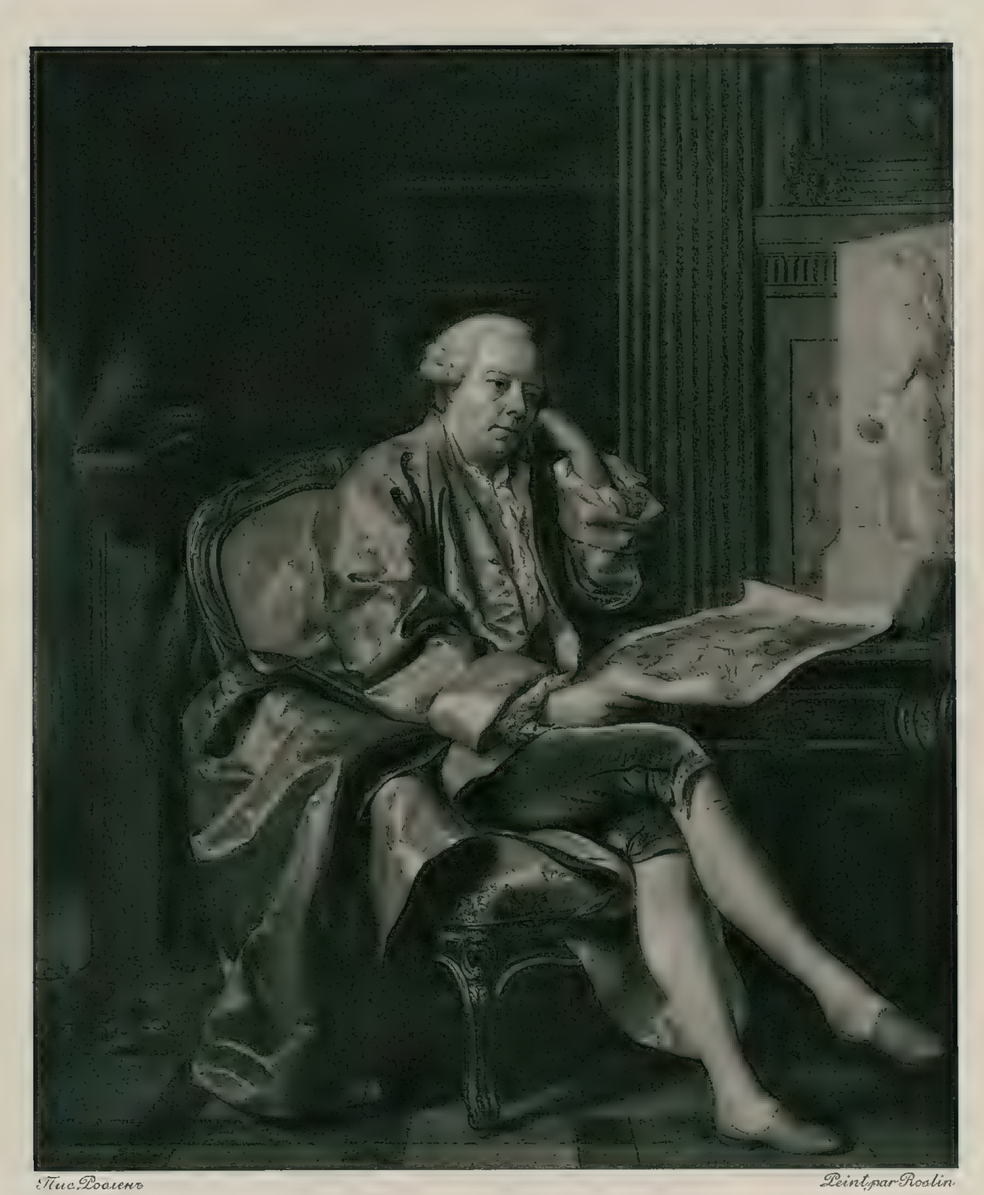
(Съ портрета А. Рослена; Академія Художествъ, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH BETZKOÏ, 1704—1795, fils naturel du feld-maréchal prince Ivan Youriewitch Troubetzkoï, fait prisonnier par les Suédois à Narva, naquit à Stockholm le 3 février 1704, d'une mère suédoise qui aurait appartenu à la plus haute société (baronne de Wrede ou de Sparre). Son enfance s'écoula en Suède, dans la famille de son père, où il était très aimé. Sans avoir de renseignements précis sur son instruction et son éducation, on sait seulement qu'il fit des études au Corps des Cadets de Copenhague. Il débuta au service au Collège des Affaires étrangères, devint en 1722 secrétaire du prince B. Dolgorouky, ambassadeur à Paris, puis fut quelques années aide de camp de son père. Ce qui contribua à son élévation ultérieure fut l'amitié de l'Impératrice Elisabeth avec sa sœur la princesse de Hesse-Hombourg. Chambellan du Grand-Duc Pierre en 1741, son service à la Petite Cour marque pour lui le début de la faveur de Catherine II. Déplacé avec grade de général major, lorsqu'en 1747 Bestoujeff jugea nécessaire de remplacer tout l'entourage de l'Héritier, il resta ensuite à l'étranger sans interruption jusqu'en 1762, et ce séjour eut une influence décisive sur son avenir: il s'intéressa à l'organisation dans les autres pays des établissements d'éducation et de bienfaisance. Il fit lors de son séjour à Paris la connaissance de Mme Geoffrin, dont le célèbre salon réunissait les coryphées de la littérature française, et tomba sous l'influence des Encyclopédistes, en particulier de Rousseau. C'est certainement alors qu'il conçut, en matière de pédagogie, les idéaux qu'il devait mettre en pratique quelques années plus tard. Pierre III, arrivé au trône, le fit revenir en Russie, lui conféra l'ordre de St-Alexandre Newsky et le grade de général lieutenant, et le nomma directeur général de la Chancellerie des Constructions. Puis l'avènement de Catherine II ouvrit un vaste champ à son activité, car l'Impératrice, adepte elle-même des doctrines civilisatrices de la philosophie française, lui donna la possibilité de réaliser ses idées. Il était enthousiasmé de la pensée de pouvoir créer une race nouvelle, plus propre à recevoir la civilisation européenne, en élevant la jeune génération dans des établissements d'instruction et d'éducation fermés, et soustraits ainsi à l'influence d'un milieu vicié. C'est d'après ce plan que fut transformé le Corps des Cadets et fondé le premier établissement d'instruction de jeunes filles, la Société d'éducation des jeunes filles nobles (Smolna). Il organisa ensuite une école de commerce et des écoles pour la bourgeoisie, car il attribuait une grande importance à la constitution en Russie d'un tiers état instruit. C'est enfin à lui qu'on doit les Enfants-Trouvés de Pétersbourg et de Moscou. Il était en outre à la tête de l'Académie des Beaux-Arts comme président et continuait à administrer la Chancellerie des Constructions; Pétersbourg lui est redevable de ses quais de granit et de sa grille du Jardin d'Eté. Ses travaux lui valurent le rang de conseiller privé actuel (1767), les ordres de St-André (1768) et de St-Vladimir de 1re classe (1782), et une médaille fut frappée en son honneur en 1772. Betzkoï était un intime de Catherine II; il fut longtemps son lecteur, mais au fur et à mesure de sa décrépitude, elle se détacha de lui. Sur la fin de sa vie, il devint aveugle paralytique. Il mourut le 31 août 1795 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation.

Betzkoï ne fut pas marié. Il laissa la plus grande partie de sa fortune à une „pupille", Mlle A. Sokoloff (v. T. II, № 35). Indépendant et exempt d'ambition, sa première préoccupation était le bien de sa patrie. Tandis que les favoris de Catherine II firent de grosses fortunes, il resta relativement pauvre et dépensa beaucoup en œuvres de bienfaisance. Sous des dehors de froideur et de rudesse, il était accueillant et bon; esprit curieux, il trouvait du temps pour faire l'élevage des vers à soie et le couvage artificiel des poulets. Il était d'une extrême sobriété et menait une vie retirée. Son œuvre excita souvent la désapprobation et la risée, mais il a du moins un grand mérite: il fut le premier champion de l'instruction universelle, par le zèle avec lequel il travailla à répandre les rudiments dans le peuple et à développer l'instruction des jeunes filles.

(D'après un original de Roslin, Académie des Beaux-Arts, St-Pétersbourg.)

7

Пис. Рословъ

Peint par Roslin.

Иванъ Ивановичъ
Бецкій, 1704–1795

Ivan Ivanowitch
Betzky, 1704–1795

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, 1727—1797, фаворитъ Императрицы Елисаветы Петровны, двоюродный братъ графа П. И. Шувалова, сынъ гвардіи капитана Ивана Максимовича († 1741 г.) и его жены Татьяны Родіоновны Ратиславской († 1756 г.), родился въ Москвѣ 1 Ноября 1727 г.; здѣсь же провелъ дѣтство и учился у одного учителя съ Суворовымъ, при чемъ съ раннихъ лѣтъ обнаружилъ склонность къ наукамъ. Когда со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны возвысились его двоюродные братья, Шуваловъ былъ взятъ ко двору въ пажи, но и здѣсь онъ не измѣнилъ своимъ склонностямъ: его всегда видѣли съ книжкой въ рукахъ. Шуваловы рѣшили воспользоваться красивой наружностью молодого родственника, чтобы сдѣлать изъ него фаворита Государыни. 4 Сентября 1749 г. И. И. Шуваловъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, но вполнѣ утвердился онъ въ 1751 г., когда Шуваловымъ удалось устранить Бекетова. Съ этого времени до самой смерти Императрицы, Иванъ Ивановичъ пользовался ея расположеніемъ. Онъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты, получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Его значеніе было велико въ послѣдніе годы жизни Елисаветы, когда всѣ государственныя дѣла проходили черезъ его руки. Но, занимая первое мѣсто, Шуваловъ, не обладавшій крупнымъ умомъ государственнаго человѣка, по своей добродушной и нѣсколько лѣнивой природѣ, лично не имѣлъ большого вліянія на ходъ дѣлъ, а былъ только орудіемъ въ рукахъ графа П. И. Шувалова. Мягкій и доброжелательный, врагъ ссоръ и шума, онъ старался со всѣми быть въ добрыхъ отношеніяхъ и иногда являлся даже въ роли примирителя другихъ; поэтому онъ имѣлъ мало враговъ. Вполнѣ безкорыстный, Шуваловъ отказывался отъ матеріальныхъ выгодъ и не принялъ графскаго титула. Однако, была одна область, куда его влекли личные вкусы, и гдѣ онъ господствовалъ неограниченно, это — область наукъ и искусствъ, что доставило ему прозваніе „Россійскаго мецената“ и сдѣлало его имя навсегда памятнымъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ основателя перваго русскаго университета въ Москвѣ (12 Января 1755 г., день Ангела его матери). Шуваловъ былъ назначенъ „кураторомъ“ университета и постоянно заботился о немъ, хотя лично посѣтилъ его лишь въ 1778 г.; по его же мысли были учреждены въ 1757 г. Академія Художествъ и въ 1758 г. гимназія въ Казани. Имя Шувалова неразрывно связано также съ именемъ его современника — Ломоносова: онъ былъ его покровителемъ, вмѣстѣ съ нимъ обсуждалъ проектъ университета и былъ воспѣтъ Ломоносовымъ въ многочисленныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Слава о Шуваловѣ, какъ о просвѣщенномъ русскомъ вельможѣ, распространилась и за границей; онъ переписывался съ Гельвеціемъ, Дидро и Даламберомъ, а Вольтеръ сказалъ о немъ: „C'est un des hommes le plus poli et le plus aimable que j'aie jamais vu“. Смерть Елисаветы Петровны измѣнила положеніе Шувалова. Петръ III назначилъ его директоромъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, но пруссаки видѣли въ немъ своего главнаго врага и стремились возстановить противъ него Императора. Послѣ Іюньскаго переворота, Шуваловъ сейчасъ же присягнулъ Екатеринѣ II, но при дворѣ на первое мѣсто стали или новые люди, или враги Шувалова, и онъ отправился въ долголѣтнее заграничное путешествіе, пробывъ за границей, въ Италіи и Франціи, 14 лѣтъ. Время сгладило неудовольствіе Екатерины II: она стала давать ему порученія; въ 1773 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, когда же въ 1777 г. возвратился въ Россію, Государыня встрѣтила его, какъ „дорогого гостя“, и пожаловала ему званіе оберъ-камергера и ордена св. Андрея и Владиміра 1 ст.; онъ сдѣлался ея постояннымъ партнеромъ въ картахъ и сопровождалъ ее въ Крымъ. Шуваловъ жилъ окруженный книгами, статуями, картинами и собиравшимся у него обществомъ писателей и образованнѣйшихъ людей. Самъ онъ былъ еще „рѣчью и видомъ бодръ, но слабъ ногами, лицо у него было всегда спокойное, обращеніе со всѣми упредительное; въ разговорахъ имѣлъ рѣчь свѣтлую, быструю; русскій языкъ его былъ съ красивой отдѣлкой въ тонкостяхъ и тонахъ, французскій онъ употреблялъ, когда хотѣлъ что сильнѣе выразить“. Шуваловъ скончался 14 Ноября 1797 г. и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Дмитріевъ писалъ о немъ:

„Съ цвѣтущей младости до сребряныхъ власовъ — Таланту каждому покровъ,
Шуваловъ бѣднымъ былъ полезенъ, — Почтенъ, доступенъ и любезенъ!“

(Съ портрета Де-Вельи; находится въ Академіи Художествъ, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN IVANOWITCH CHOUVALOFF, 1727—1797, favori de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, cousin du comte Pierre Chouvaloff, fils du capitaine de la garde Ivan Maximowitch († 1741) et de sa femme Tatiana Rodionowna Ratislawsky († 1756), naquit à Moscou le 1er novembre 1727; y passa son enfance et y reçut son instruction avec Souvoroff chez le même maître; dès sa plus tendre enfance fit preuve de capacité pour les sciences. Lorsque, à l'avènement d'Elisabeth Pétrowna, ses cousins s'élevèrent, Chouvaloff fut reçu page à la cour, mais il n'en changea pas pour cela de penchants: on le voyait toujours un livre à la main. Les Chouvaloff résolurent de mettre à profit le bel extérieur de leur jeune parent pour en faire le favori de l'Impératrice. Le 4 septembre 1749, I. I. Chouvaloff fut nommé gentilhomme de la chambre, mais sa position ne s'affermit définitivement qu'en 1751, lorsque les Chouvaloff réussirent à éloigner Békétoff. A partir de cette époque, jusqu'à la mort de l'Impératrice, Ivan Ivanowitch jouit de sa faveur. Il fut créé lieutenant général et aide de camp général, reçut l'ordre de St-Alexandre Newsky. Son crédit fut grand dans les dernières années da la vie d'Elisabeth, quand toutes les affaires d'Etat passaient par ses mains. Mais, quoique occupant la première place, Chouvaloff, qui ne possédait pas l'esprit étendu d'un homme d'Etat, n'avait pas, personnellement, une grande influence sur la marche des affaires à cause de son naturel bon enfant et quelque peu paresseux et n'était qu'un instrument entre les mains du comte P. I. Chouvaloff. Doux et bienveillant, ennemi des discussions et du bruit, il s'efforçait d'être en bonnes relations avec tout le monde et remplissait parfois le rôle de conciliateur; voilà pourquoi il eut peu d'ennemis. Entièrement désintéressé, Chouvaloff resta indifférent aux intérêts matériels et refusa le titre de comte. Il y avait pourtant une sphère où l'attiraient ses goûts personnels et où il régnait sans limite: c'était le domaine des sciences et des arts, ce qui lui valut le surnom de „Mécène russe“ et rendit son nom célèbre à jamais dans l'histoire de la civilisation russe, comme fondateur de la première université russe à Moscou (12 janvier 1755, jour de fête du saint de sa mère). Chouvaloff fut nommé „curateur“ de l'université et s'en occupa constamment, bien qu'il ne l'ait visitée personnellement qu'en 1778; c'est d'après son idée que furent fondés en 1757 l'Académie des Beaux-Arts et en 1758 le gymnase de Kazan. Le nom de Chouvaloff est étroitement lié à celui de son contemporain—Lomonossoff: il fut le protecteur de ce dernier, élabora avec lui le projet de l'université et fut chanté par Lomonossoff dans de nombreuses œuvres poétiques. Son renom, comme celui d'un seigneur russe éclairé se répandit aussi à l'étranger; il était en correspondance avec Helvétius, Diderot et d'Alembert, et Voltaire a dit de lui: „C'est un des hommes le plus poli et le plus aimable que j'aie jamais vu“. La mort d'Elisabeth Pétrowna changea la position de Chouvaloff. Pierre III le nomma directeur du Corps des cadets de terre, mais les Prussiens voyaient en lui leur principal ennemi et s'efforcèrent de le brouiller avec l'Empereur. Après le coup d'état de juin, Chouvaloff prêta immédiatement serment à Catherine II, mais, soit de nouveaux personnages, soit des ennemis de Chouvaloff occupèrent le premier rang à la cour et il partit pour un voyage de longue durée à l'étranger où il séjourna 14 ans, en Italie et en France. Le temps apaisa le mécontentement de Catherine II: elle le chargea de différentes missions; en 1773, il fut élevé à la dignité de conseiller privé actuel et, lorsque, en 1777, il revint en Russie, l'Impératrice l'accueillit en „hôte bienvenu“ et lui conféra le titre de grand chambellan et l'ordre de St-André et de St-Vladimir de 1e cl.; il devint son partenaire habituel aux cartes et l'accompagna en Crimée. Chouvaloff vivait entouré de livres, de statues et de tableaux et réunissait autour de lui une société d'écrivains et d'hommes des plus instruits. Lui-même était encore „vert d'aspect, avait le langage vif, mais sa démarche n'était pas assurée; il avait le visage toujours calme, sa manière d'être était prévenante envers tous; dans la conversation, il s'exprimait lucidement et promptement; il parlait un russe élégamment choisi dans ses finesses et ses nuances; il se servait du français lorsqu'il désirait exprimer quelque chose avec plus de force. Chouvaloff expira le 14 novembre 1797 et est inhumé dans l'église de l'Annonciation du couvent d'Alexandre Newsky. Dmitrieff a écrit à son sujet:

„De la jeunesse florissante à la blanche vieillesse,
Des pauvres Chouvaloff fut le recours;
De chaque talent le protecteur,
Honoré, accessible et affable!“

(D'après un original de De-Veilly; Académie des Beaux-Arts, St-Pétersbourg.)

Пис. Де-Валли

Peint par de Veilly

Иванъ Ивановичъ
Шуваловъ, 1727 1797

Ivan Ivanowitch
Chouvaloff, 1727 1797

Графъ МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ, 1772—1839, сынъ священника Владимірской епархіи, знаменитый дѣятель Александровской эпохи. Получивъ школьное образованіе во Владимірской семинаріи и въ главной семинаріи въ Петербургѣ, Сперанскій уклонился отъ предназначавшагося ему духовнаго поприща, поступивъ, по рекомендаціи митрополита Гавріила, домашнимъ секретаремъ къ князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Когда Куракинъ, съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, то и Сперанскій сдѣлался однимъ изъ важныхъ дѣльцовъ генералъ-прокурорской канцеляріи. Отсюда начало служебной карьеры Сперанскаго, отсюда начало и самообразованія его личности. Бѣдный, приниженный семинаристъ, не смѣвшій сначала даже обѣдать за однимъ столомъ съ пріютившимъ его вельможей, всѣ силы блестящаго своего ума и необычайнаго умѣнья приспособляться направилъ онъ на то, чтобы стать не ниже, а во многихъ отношеніяхъ и выше уровня той среды, въ которую поставила его судьба. Съ чрезвычайной легкостью онъ довершилъ свѣтское свое воспитаніе, тщательно изучивъ при томъ новые языки и европейскую литературу, а на служебномъ поприщѣ сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ по своей работоспособности и знанію дѣлъ не только для Куракина, но и для трехъ его преемниковъ, какъ ни мало они были похожи другъ на друга. Съ воцареніемъ Александра I, когда въ правящихъ сферахъ проявился „зудъ“ къ реформамъ, и отвлеченные принципы нужно было примѣнять къ русской дѣйствительности, а французскіе діалоги переводить на русскій языкъ, Сперанскій оказался самымъ способнымъ для дѣла человѣкомъ; уже тогда онъ былъ лично извѣстенъ Государю, получилъ званіе статсъ-секретаря и переведенъ былъ на службу въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ. Министръ В. П. Кочубей во время болѣзни своей посылалъ его съ докладами къ Государю, и тогда даровитый докладчикъ обворожилъ его своимъ яснымъ умомъ, искусствомъ находить практическое выраженіе для туманныхъ либеральныхъ принциповъ, коими проникнутъ былъ Александръ I и его „комитетъ общественной безопасности“. Государь приблизилъ Сперанскаго къ своей особѣ, а затѣмъ, въ 1808 г., поручилъ ему разработать по западно-европейскимъ образцамъ планъ государственныхъ преобразованій въ либеральномъ духѣ, съ учрежденіемъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Но Сперанскому удалось осуществить только часть этого плана: онъ не сумѣлъ понять двойственности характера Императора, напуганнаго явной оппозиціей дворянства новымъ, либеральнымъ теченіямъ, не сумѣлъ заручиться и содѣйствіемъ знати и придворныхъ круговъ. Предъ началомъ войны 1812 г. Императоръ Александръ пожертвовалъ Сперанскимъ въ залогъ примиренія своего съ оппозиціей, и, обвиненный въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, неосторожный и опасный „parvenu“ сосланъ былъ на жительство въ Пермь. Съ тѣхъ поръ опальный временщикъ уже не возвратилъ себѣ прежняго значенія, хотя, уступая просьбамъ Аракчеева, Императоръ въ 1816 г. и назначилъ Сперанскаго сначала Пензенскимъ губернаторомъ, а потомъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ,— на мѣста, весьма отдаленныя отъ Петербурга: наступившія времена реакціи, казалось, не отвѣчали либеральному духу изгнанника. На самомъ же дѣлѣ, когда въ 1821 г. Аракчеевъ успѣлъ добиться возвращенія „друга“ своего Сперанскаго въ Петербургъ, съ назначеніемъ его членомъ Государственнаго Совѣта, то изгнанникъ этотъ оказался значительно преобразившимся: съ одной стороны, осуждая прежніе преобразовательные свои планы, онъ нашелъ, что „возможность законодательнаго сословія, сильнаго и просвѣщеннаго, весьма мало представляетъ вѣроятности“, съ другой—напечаталъ похвальное слово Аракчееву и его военнымъ поселеніямъ. Послѣ 14 Декабря, назначенный Императоромъ Николаемъ I въ члены Верховнаго суда надъ декабристами, Сперанскій принялъ особое участіе въ составленіи приговора надъ ними. Конецъ жизни своей онъ посвятилъ составленію „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“ и „Свода Законовъ“; за эту работу Сперанскій награжденъ былъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и графскимъ достоинствомъ: она дала установившимся бюрократическимъ формамъ незыблемое законодательное основаніе.

(Съ портрета Тропинина; принадлежитъ Р. Д. Вострякову, въ Москвѣ.)

Le comte MICHEL MIKHAÏLOWITCH SPERANSKY, 1772—1839, fils d'un prêtre du diocèse de Vladimir, célèbre homme d'Etat de l'époque d'Alexandre. Après des études au séminaire de Vladimir et au séminaire principal de St-Pétersbourg, il fut d'abord, sur la recommandation du métropolite Gabriel, secrétaire particulier du prince Alexis Borissowitch Kourakine, puis, quand celui-ci eut été nommé, à l'avènement de Paul Ier, procureur général, devint un des fonctionnaires les plus importants de sa chancellerie. Ce fut là l'origine de sa carrière, ce fut aussi celle du développement qu'il sut donner lui-même à sa personnalité. Le pauvre petit séminariste qui, au début, n'osait même pas dîner à la table de son tout-puissant protecteur employa toutes les forces de son brillant esprit et de son extraordinaire faculté d'adaptation à se mettre à la hauteur du milieu où le sort l'avait placé, et même au-dessus sous bien des rapports. Il réussit sans la moindre difficulté à parfaire son éducation mondaine et à y joindre une connaissance sérieuse des langues vivantes et de la littérature européenne; dans le service, grâce à sa puissance de travail et à sa compétence en affaires, il sut se rendre indispensable, non seulement à Kourakine, mais encore à ses trois successeurs, tout différents qu'ils étaient. A l'avènement d'Alexandre Ier, quand les sphères dirigeantes éprouvèrent leur „démangeaison" de réformes et qu'il fallut appliquer à la réalité russe des principes abstraits et traduire en russe des dialogues français, Spéransky se trouva tout désigné; déjà personnellement connu de Sa Majesté, il reçut le titre de secrétaire d'état et fut mis au ministère de l'intérieur. Chargé, pendant la maladie du ministre, V. Kotchoubey, de présenter les rapports à l'Empereur, il le fascina par sa lucidité d'esprit et par son talent pour trouver une expression pratique aux nébuleux principes libéraux dont étaient imbus Alexandre Ier et son Comité de Salut Public. Le Souverain l'attacha à sa personne, puis, en 1808, le chargea d'élaborer, sur les modèles de l'Occident, un plan de réformes gouvernementales dans le sens libéral, avec institution d'une Douma d'Etat et d'un Conseil de l'Empire. Il y échoua en partie, pour n'avoir su ni comprendre l'humeur à double face de l'Empereur, effrayé par l'opposition ouverte de la noblesse aux nouvelles tendances libérales, ni s'assurer le concours de l'aristocratie et de la Cour. Peu avant la guerre de 1812, l'Empereur le sacrifia comme gage de sa réconciliation avec l'opposition: accusé de relations avec Napoléon, l'imprudent et dangereux „parvenu" fut relégué à Perm, et dès lors ne retrouva plus jamais son importance de jadis, même quand Araktchéeff l'eut fait nommer, en 1816, d'abord gouverneur de Penza, puis général gouverneur de la Sibérie, toutes fonctions dont le siège était fort éloigné de Pétersbourg: la nouvelle ère de réaction ne semblait convenir en rien au libéralisme de l'exilé. En réalité, lorsqu'en 1821, Araktchéeff eut réussi à obtenir le rappel de son „ami" à Pétersbourg comme membre du Conseil de l'Empire, ledit exilé se trouva considérablement transformé: d'une part, il condamna ses projets réformateurs d'autrefois et déclara „fort peu probable la possibilité d'une classe législative, forte et éclairée", de l'autre, il publia un panégyrique d'Araktchéeff et de ses colonies militaires. Après le 14 décembre, nommé par Nicolas Ier membre de la Haute Cour de Justice, il collabora particulièrement à la rédaction de l'arrêt des Décabristes. La fin de sa vie fut consacrée à un Recueil complet des Lois de l'Empire Russe et à un Code de Lois, qui lui valurent St-André et la dignité de comte et donnaient aux formes bureaucratiques établies une puissante assiette légale.

(D'après un original de Tropinine, appartenant à R. Vostriakoff, Moscou.)

Пис. Тропининъ | Peint par Tropinine

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, 1772–1839

Le Comte Michel Mikhaïlowitch Spéransky, 1772–1839

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ   Manufacture des papiers de l'État

10

Графиня ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА СКАВРОНСКАЯ, 1761—1829, самая красивая изъ пяти сестеръ Энгельгардъ и самая любимая племянница Потемкина, пользовалась особеннымъ расположеніемъ Императрицы Екатерины, которой была хорошо извѣстна ея продолжительная связь съ „свѣтлѣйшимъ". Человѣкъ, который пренебрегъ прошлымъ своей восхитительной невѣсты и предпочелъ выгоды могущественнаго покровительства сильныхъ міра, былъ молодой, болѣзненный и недалекій графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій (р. 1757 г., † 23 Ноября 1793 г.), племянникъ Императрицы Елисаветы. Прямой потомокъ Лифляндскаго крестьянина, разысканнаго Екатериной I среди чухонскихъ болотъ, графъ Скавронскій, выросшій и воспитанный въ Италіи, не зналъ Россіи и ея языка; зато въ Италіи онъ слылъ меценатомъ и самъ серіозно считалъ себя знатокомъ античнаго и современнаго ему искусства, южныхъ винъ и въ особенности музыки. „Былъ онъ великій чудакъ", говоритъ о немъ Вигель, „никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какой-то ералашъ, давалъ концерты"... Ни прежде, ни послѣ, вѣроятно, міръ не видѣлъ болѣе страстнаго и неистоваго меломана, но также и менѣе одареннаго музыкальными способностями. Меломанія Скавронскаго носила характеръ какого-то барскаго самодурства, въ ней было много нелѣпаго, комическаго и шутовского. До безумія любя итальянскую музыку, онъ считалъ себя не только знатокомъ ея, но и композиторомъ, хотя не имѣлъ таланта и вкуса. Только благодаря его богатству, находились пѣвцы и музыканты, соглашавшіеся исполнять его произведенія, находились терпѣливые слушатели ихъ и цѣнители, восхвалявшіе эти произведенія за вкусные обѣды и щедрыя подачки. Скавронскій даже прислугѣ приказалъ не иначе ему докладывать, какъ речитативами по нотамъ. Самъ онъ отдавалъ приказанія тоже въ музыкальной формѣ, а гости, желая угодить ему, вели съ нимъ разговоры въ видѣ вокальныхъ импровизацій. Когда въ началѣ 1780 г. Скавронскій явился въ Петербургъ, „свѣтлѣйшій" увидѣлъ въ немъ подходящаго жениха для „Катеньки", связи съ которой не намѣренъ былъ прерывать... Князь Долгорукій, родственникъ Скавронскаго по матери, въ своемъ „Капищѣ сердца" говоритъ: „Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ", при томъ „его ласкали при дворѣ для Потемкина выгодъ". 18 Ноября 1781 г. состоялась свадьба, затѣмъ мужъ уѣхалъ въ Неаполь, а жена оставалась до конца 1780-хъ годовъ въ Петербургѣ, гдѣ, по словамъ влюбленнаго въ нее князя П. Д. Циціанова, „не прочь была пококетничать"; по натурѣ женщина апатичная, холодная, безстрастная, она была избалована всеобщимъ поклоненіемъ и, по замѣчанію Сегюра, „представляя собой живое воплощеніе Амура, кружила всѣмъ головы". Ее воспѣлъ и Державинъ, когда златокудрая Пирра „заря безъ тучъ", уже 37-лѣтняя женщина, выходила за графа Литту:

„Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

Но если-бъ, что меня касалось,
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣлъ и кораблекрушенья;
По днесь въ знакъ моего спасенья
Виситъ ужъ опущенъ мой флагъ!"

Когда графиня Скавронская была въ Неаполѣ, туда пріѣхала въ 1790 г. знаменитая г-жа Виже-Лебренъ, и Скавронскій, „fort amoureux", просилъ модную художницу написать портретъ его жены; благодаря этому, мы имѣемъ ея отзывъ о графинѣ, „cette belle nonchalante": „La comtesse était douce et jolie comme un ange. Son bonheur était de vivre étendue sur un canapé, enveloppée d'une grande pelisse noire et sans corset. Elle m'a conté que, pour s'endormir, elle avait une esclave sous son lit, qui lui racontait tous les soirs la même histoire. Elle n'avait aucune instruction, et sa conversation était des plus nulles: en dépit de tout cela, grâce à sa ravissante figure et à une douceur angélique, elle avait un charme invincible"... Прилагаемый портретъ, пастель, написанъ Виже-Лебренъ въ 1790 году: „L'ambassadrice est peinte presque en pied, tenant en main et regardant un médaillon sur lequel était le portrait de son mari". Г-жа Лебренъ писала еще 2 бюстовыхъ портрета графини Скавронской—одинъ изъ нихъ помѣщенъ въ I т. „Русскихъ портретовъ", другой намъ неизвѣстенъ.

(Съ портрета, принадлежащаго Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

La comtesse CATHERINE VASSILIEWNA SKAVRONSKY, 1761—1829, la plus belle des cinq sœurs Engelhardt et la nièce préférée de Potemkine, jouissait de la faveur particulière de l'Impératrice Catherine, qui était au fait de sa longue liaison avec le sérénissime. L'homme qui ferma les yeux sur le passé d'une ravissante fiancée pour profiter de la puissante protection des grands de ce monde fut le jeune, maladif et insignifiant comte Paul Martynowitch Skavronsky (1757—23 novembre 1793), neveu de l'Impératrice Elisabeth. Descendant en ligne directe d'un paysan de Livonie tiré par Catherine Ire des marécages baltiques, né et élevé en Italie, il ne connaissait pas la Russie ni sa langue, mais avait en Italie le renom d'un Mécène et se considérait lui-même comme connaisseur sérieux en fait d'art ancien et moderne, de vins du Midi et surtout de musique. „C'était", dit Wiegel, „un grand excentrique; aucun pays ne lui plaisait que l'Italie; il préférait à tout la musique, composait lui-même je ne sais quel galimatias et donnait des concerts"... Avant lui comme après, le monde ne vit sans doute jamais mélomane aussi passionné et frénétique, et en même temps aussi dénué de facultés musicales. Sa mélomanie faisait l'effet de quelque extravagance de grand seigneur et comportait une bonne part d'absurdité, de comique et de bouffonnerie. Amateur fou de musique italienne, il s'en considérait non seulement comme connaisseur, mais comme compositeur, tout en n'ayant ni talent ni goût. Ce n'était qu'à sa fortune qu'il devait de trouver des chanteurs et des musiciens pour exécuter ses compositions, et des invités pour les écouter patiemment et dire du bien de la musique de sa façon en échange de ses bons dîners et de ses générosités. Les domestiques eux-mêmes étaient stylés à ne jamais annoncer qu'en récitatifs; lui, donnait également ses ordres en musique, et ses visiteurs, pour lui complaire, lui faisaient leur conversation sous forme d'improvisations vocales. Lorsque, au commencement de 1780, il vint à Pétersbourg, Potemkine trouva en lui le fiancé qu'il fallait pour Katenka, avec laquelle il comptait ne pas rompre... Le prince Dolgorouky, parent de Skavronsky par sa mère, dit dans son Sanctuaire de mon cœur: „Il tomba amoureux et le bon oncle bénit l'heureux mariage", et aussi: „On le flattait à la Cour pour l'amour de Potemkine". Le mariage fut célébré le 18 novembre 1781, puis le mari partit pour Naples et la femme resta jusqu'à la fin des années 80 à Pétersbourg où, selon le prince P. Tzitzianoff, amoureux d'elle, „elle était assez portée à la coquetterie". Nature indolente, froide, apathique, elle fut gâtée par l'adoration générale: „Incarnation vivante de l'Amour", dit Ségur, „elle tournait toutes les têtes".

La comtesse Skavronsky était à Naples en 1790, lors du séjour de la célèbre Mme Vigée-Lebrun, et le mari, „fort amoureux", demanda un portrait de sa femme à l'artiste en vogue, dont on possède, par cette occasion, le témoignage sur „cette belle nonchalante": „La comtesse était douce et jolie comme un ange. Son bonheur était de vivre étendue sur un canapé enveloppée d'une grande pelisse noire et sans corset. Elle m'a conté que, pour s'endormir, elle avait une esclave sous son lit, qui lui racontait tous les soirs la même histoire. Elle n'avait aucune instruction et sa conversation était des plus nulles: en dépit de tout cela, grâce à sa ravissante figure et à une douceur angélique, elle avait un charme invincible". Le portrait ci-joint, par Vigée-Lebrun, un pastel, est de 1790: „L'ambassadrice est peinte presque en pied, tenant en main et regardant un médaillon sur lequel était le portrait de son mari". La même artiste a fait deux autres portraits, en buste, de la comtesse: l'un figure au Tome I des Portraits Russes, l'autre nous est inconnu.

(D'après un original appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Пис. В. Лебрень. 1790 | Peint par Vigée Lebrun. 1790

Графиня Екатерина Васильевна Скавронская, 1761–1829

La Comtesse Catherine Vassiliewna Skavronsky, 1761–1829

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшая княгиня ЖАНЕТТА (Анна) ИВАНОВНА ЛОПУХИНА, 178.—1869, дочь барона Эрнеста-Іоахима фонъ-Венкстернъ, изъ Ганновера, и его жены Маріанны-Каролины Бремеръ, въ первомъ бракѣ была за графомъ Давидомъ Максимовичемъ Алопеусомъ (р. 1769 г., † 1831 г.), посланникомъ въ Берлинѣ; отъ этого брака она имѣла 2 сыновей: Александра († 1841 г.; при миссіи въ Туринѣ) и Федора, и дочь Александру (р. 1808 г., † 1848 г.; за виконтомъ Лаферронне). Овдовѣвъ 13 Іюня 1831 г., графиня Алопеусъ 30 Октября 1833 г. вышла за свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина, который, встрѣтивъ ее, въ то время „знаменитую красавицу", 25 лѣтъ тому назадъ, 1 Января 1808 г., въ Петербургѣ, „полюбилъ ее больше всего и всѣхъ" и оставался вѣренъ этой любви болѣе 60 лѣтъ, что не мѣшало ему имѣть въ годы молодости многочисленныя любовныя интриги. Вѣнчаніе происходило въ домовой церкви Демидова, въ Санъ-Донато, близъ Флоренціи; послѣ свадьбы Лопухинъ поселился въ своемъ роскошномъ имѣніи Корсуни, Кіевской губерніи. Извѣстная нѣкогда своею красотою, Лопухина, по свидѣтельству графа Бутурлина, „соединяла таковыя же нравственныя и душевныя качества, была натуральна въ своемъ обращеніи, плавна и элегантна въ своихъ движеніяхъ; кротость и доброта, написанныя на ея лицѣ, дѣлали ее симпатичною съ перваго на нее взгляда". Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, слышавшій въ 1869 г. разсказы самого князя Лопухина, пишетъ: „Любовь къ прекрасной графинѣ не очень стѣсняла Лопухина въ любовныхъ похожденіяхъ: въ 1817 г. онъ жилъ попеременно то въ Твери, то въ Петербургѣ и въ каждомъ изъ этихъ городовъ имѣлъ любовную интригу; обѣ его любезныя сильно ревновали другъ друга. Вдругъ Лопухинъ получаетъ извѣстіе, что графиня Алопеусъ пріѣхала въ Петербургъ; онъ скачетъ, чтобы увидѣть ее, а за нимъ ѣдетъ и Тверская его любовница, полагая, что накроетъ его у Петербургской. Она пріѣзжаетъ, видится съ Петербургскою особою, но не находитъ у нея Лопухина, и обѣ, убѣдившись взаимно, что онъ пріѣхалъ для графини Алопеусъ, помирились. Между тѣмъ въ Петербургскомъ обществѣ онъ считался завиднымъ женихомъ, и многія матери искали какъ бы сдѣлаться его тещами; но Лопухину было не до женитьбы; однажды на вечерѣ у Princesse Nocturne, княгиня В., увидавъ графиню Алопеусъ, стала съ жаромъ и во всеуслышаніе упрекать ее въ томъ, что изъ-за нея Лопухинъ не хочетъ жениться на ея дочери.... Послѣ свадьбы новобрачные отправились въ Россію. Лопухину уже было за 45 лѣтъ, а жена его была двумя или тремя годами старше его. Говорятъ, что она была ревнива и что, желая удалить своего мужа отъ всякаго соблазна, заставила его почти безвыѣздно жить въ деревнѣ, лѣтомъ и зимою. Лопухинъ принялся за постройку новаго дома и за устройство великолѣпнаго сада, расположеннаго въ живописной мѣстности на скалистыхъ берегахъ рѣки Роси... Домъ устроенъ самымъ роскошнымъ образомъ: изысканный столъ, отличныя и даже рѣдкія вина, два полныхъ состава прислуги, оркестръ, два хора, словомъ всѣ барскія затѣи можно найти въ Корсуни! Но все это до самой кончины княгини Лопухиной существовало для удовольствія однихъ хозяевъ и самаго тѣснаго кружка приближенныхъ. Княгиня не любила гостей, въ послѣдніе же годы, переживъ всѣхъ своихъ дѣтей отъ перваго брака, она не покидала траура и сдѣлалась еще недоступнѣе прежняго. Бывало, когда невзначай кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, или даже изъ родныхъ ея мужа, заѣдетъ въ Корсунь, она, подъ предлогомъ болѣзни, не являлась къ столу. Я, впрочемъ, слышалъ", прибавляетъ князь Лобановъ, „что это была женщина рѣдкаго ума и начитанности, и что она въ высшей степени обладала даромъ вести разговоръ въ обществѣ".

Княгиня Лопухина подъ конецъ жизни ослѣпла и умерла въ глубокой старости въ Январѣ 1869 года.

(Съ акварельнаго портрета К. Брюллова, 1833 г.; собственность свѣтл. князя Н. П. Лопухина-Демидова, м. Корсунь, Кіевской губ.)

11

La princesse sérénissime JEANNETTE (Anne) IVANOWNA LOPOUKHINE, 178 .—1869, fille du baron Ernest-Joachim von Wenckstern, de Hanovre, et de Marianne-Caroline, née Brehmer, épousa en premières noces le comte David Maximowitch Alopéus (1769—1831), ambassadeur à Berlin; elle eut de ce mariage deux fils, Alexandre († 1841), attaché à la mission de Turin, et Théodore, et une fille Alexandrine (1808—1848), mariée au vicomte La Ferronnays. Devenue veuve le 13 juin 1831, elle épousa le 30 octobre 1833 le prince sérénissime Paul Pétrowitch Lopoukhine, qui, l'ayant rencontrée à Pétersbourg vingt-cinq ans auparavant, le 1er janvier 1808, alors qu'elle était „beauté célèbre", „s'était épris d'elle plus que de tout au monde et de tout le monde", et resta constant plus de soixante ans, ce qui ne l'empêcha pas d'avoir, étant jeune, de nombreuses intrigues amoureuses. Le mariage eut lieu à l'église du palais Démidoff, à San-Donato, près Florence, puis Lopoukhine alla se fixer dans sa magnifique propriété de Korsoun, gouvernement de Kieff. Jadis célèbre pour sa beauté, la princesse, au témoignage du comte Boutourline, „y joignait les qualités de l'âme et du cœur, du naturel dans les manières, de l'élégance et de la distinction dans l'allure; la douceur et la bonté peintes sur son visage la rendaient sympathique dès le premier abord". Le prince A. Lobanoff-Rostowsky donne les détails suivants qu'il avait entendus en 1869 de la bouche même de Lopoukhine: „L'amour de la belle comtesse ne le gênait guère dans ses aventures amoureuses: il passa l'année 1817 tantôt à Tver, tantôt à Pétersbourg, et, dans chacune de ces deux villes, il avait une intrigue; ses deux belles étaient très jalouses l'une de l'autre. Il apprend tout à coup que la comtesse Alopéus est à Pétersbourg; il y vole la voir, et sa maîtresse de Tver s'élance après lui, croyant le surprendre avec celle de Pétersbourg. Elle arrive chez la dame, n'y trouve pas Lopoukhine, et toutes deux se rendent compte que c'est pour la comtesse Alopéus qu'il est venu, et font la paix. Cependant, dans la société de Pétersbourg, il passait pour un parti enviable, et bien des mères l'auraient voulu pour leurs filles, mais il ne songeait guère au mariage. A une soirée chez la Princesse Nocturne, la princesse V., apercevant la comtesse Alopéus, se mit à lui reprocher avec violence et devant tout le monde d'être cause que Lopoukhine ne voulait pas épouser sa fille... Il se maria à l'âge de 45 ans; sa femme avait deux ou trois ans de plus. On dit qu'elle était très jalouse, et que, pour le mettre à l'abri des tentations, elle l'obligeait à vivre constamment à la campagne, été comme hiver. Il se fit construire une maison neuve, avec un jardin splendide, dans un endroit pittoresque des bords rocheux de la Rosia... La maison était montée avec le plus grand luxe: une table recherchée, des vins exquis et même rares, double personnel de domestiques, un orchestre, deux chœurs, en un mot, tous les raffinements de la vie seigneuriale, à Korsoun! Mais, jusqu'à la mort de la princesse, tout cela ne servit qu'au plaisir des maîtres et d'un tout petit nombre d'intimes. La princesse n'aimait pas recevoir, et, dans les derniers temps, après la perte de tous les enfants de son premier mariage, elle ne quitta plus le deuil et devint encore plus renfermée: si par hasard il venait à Korsoun quelque vieil ami, ou même un parent de son mari, il lui arrivait même de ne pas paraître à table sous prétexte d'indisposition. J'ai d'ailleurs entendu dire", ajoute le prince Lobanoff, „qu'elle avait un esprit peu commun et de la lecture, et possédait au plus haut point le don de la conversation en société".

La princesse devint aveugle sur ses vieux jours, et mourut, dans une vieillesse avancée, en janvier 1869.

(D'après une aquarelle de Ch. Brulloff, 1833, appartenant au prince sérénissime N. Lopoukhine-Démidoff, Korsoun, gouv. de Kieff.)

Князь МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ, 1745—1813, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Голенищевыхъ-Кутузовыхъ; единственный сынъ Илларіона Матвѣевича, генералъ-поручика и сенатора, женатаго на Беклемишевой, родился 5 Сентября 1745 года. Въ 1765 г. начинается боевая карьера Михаила Илларіоновича, сперва въ Польшѣ, потомъ въ арміи гр. Румянцева, гдѣ онъ служилъ по квартирмейстерской части. Въ слѣдующемъ году Кутузовъ переведенъ за разныя проказы въ Крымскую армію кн. Василія Долгорукаго, и здѣсь, въ 1774 г., получилъ при взятіи Шумы, близъ Алушты, свою знаменитую первую рану въ правый глазъ; за это дѣло былъ удостоенъ св. Георгія 4-й ст.; рана заставила Кутузова серіозно лѣчиться за границей, въ Берлинѣ и Вѣнѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай быть представленнымъ королю Фридриху Великому и фельдмаршалу Лаудону. Начиная съ 1776 г., Кутузовъ находился почти безотлучно при Суворовѣ; въ 1788 г. при Очаковѣ снова раненъ въ голову, но лѣченіе этой раны было такъ же благополучно, какъ и первый разъ; въ 1789 и 1790 гг. Кутузовъ весьма удачно дѣйствовалъ противъ турокъ. Суворовъ такъ выразился о подвигахъ Кутузова подъ Измаиломъ: „Кутузовъ оказалъ новые опыты воинскаго искусства и личной своей храбрости. Онъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моей правой рукой"; по поводу того же дѣла Суворовъ сказалъ свою извѣстную фразу, что „Кутузова и Рибасъ не обманетъ". Въ слѣдующемъ 1791 г. Кутузовъ поступилъ подъ начальство князя Н. В. Репнина и, вмѣстѣ съ княземъ С. Ф. Голицынымъ и княземъ Г. С. Волконскимъ, участвовалъ въ разгромѣ турокъ у Мачина. За это дѣло всѣ три генерала удостоились получить св. Георгія 2 ст., согласно представленію князя Репнина. Послѣ Ясскаго мира Кутузовъ былъ отправленъ Императрицей въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Въ 1794 г., послѣ смерти графа Ангальта, Кутузовъ былъ назначенъ директоромъ Шляхетскаго кадетскаго корпуса, „разсадника воинскихъ людей", по выраженію Екатерины II, и лично преподавалъ кадетамъ военную исторію и тактику. При Павлѣ I Кутузовъ успѣшно выполнилъ дипломатическія порученія въ Берлинѣ и получилъ, въ 1800 г., Андреевскую ленту. При воцареніи Императора Александра I, Кутузовъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто графа Палена, но въ 1802 г. просилъ увольненія и удалился въ свое Волынское имѣніе. Война 1805 г. снова заставила его принять начальство надъ русской арміей; къ сожалѣнію, благоразумные совѣты Кутузова не были приняты, и кампанія окончилась злополучнымъ Аустерлицемъ. Здѣсь онъ снова былъ раненъ въ щеку. Впавъ въ немилость послѣ этихъ событій, Кутузовъ былъ назначенъ сперва Кіевскимъ, а потомъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1811 г. онъ удачнымъ миромъ закончилъ войну съ турками и 29 Октября получилъ графскій титулъ. Наконецъ наступилъ 1812 годъ. Послѣ неладовъ между Барклаемъ и Багратіономъ, Государь избралъ указаннаго народнымъ желаніемъ, хотя и не любимаго имъ самимъ, Кутузова и назначилъ его главнокомандующимъ русской арміей. Бородинская битва и всѣ дѣйствія противъ войскъ Наполеона до Березины связаны съ именемъ Кутузова. За все это время онъ былъ награжденъ княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлѣйшаго, фельдмаршальскимъ жезломъ, названіемъ „Смоленскаго" и орденомъ св. Георгія 1-й степени. Въ минуту всеобщаго увлеченія, Кутузовъ одинъ вѣрно оцѣнивалъ обстоятельства, совѣтовалъ остановиться на Вислѣ и не воевать „за освобожденіе Германіи". Въ началѣ 1813 г., 16 Апрѣля, Кутузовъ скончался въ Бунцлау отъ перенесенныхъ лишеній и старыхъ недуговъ; тѣло его предано землѣ въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ.

Князь Кутузовъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ; одаренный быстро схватывающимъ и гибкимъ умомъ, выдающійся дипломатъ, спокойный и хладнокровный полководецъ, онъ умѣлъ вселять къ себѣ довѣріе въ подчиненныхъ, а его военныя способности были оцѣнены такими людьми, какъ Румянцевъ и Суворовъ. Въ старости, подъ видомъ вѣчной сонливости, онъ все замѣчалъ и со свойственной ему ироніей всегда умѣлъ быть на высотѣ положенія.

(Съ портрета Дау; Фельдмаршальская зала Зимняго Дворца.)

Le prince MICHEL HILARIONOWITCH KOUTOUZOFF-SMOLENSKY, 1745—1813, descendant de la vieille famille noble des Golénichtcheff-Koutouzoff et fils unique du général major et sénateur Hilarion Matvéewitch Koutouzoff et de sa femme, née Béklémicheff, naquit le 5 septembre 1745. Il fit ses premières armes en 1765, d'abord en Pologne, puis à l'état-major de l'armée du comte Roumiantzeff. L'année suivante, on l'envoya pour divers méfaits à l'armée de Crimée du prince Basile Dolgorouky, et là, il reçut en 1774, à la prise de Chouma, près Alouchta, sa première et célèbre blessure à l'œil droit, qui lui valut St-Georges de 4e classe, et l'obligea à aller se soigner sérieusement à l'étranger, à Berlin et à Vienne, où il eut l'occasion d'être présenté à Frédéric-le-Grand et au feld-maréchal Laudon. A partir de 1776, il fut presque incessamment attaché à Souvoroff; à Otchakoff, en 1788, il reçut à la tête une nouvelle blessure, dont la guérison fut du reste aussi heureuse que celle de la première. En 1789 et 1790, il prit part avec un plein succès aux opérations contre les Turcs. Souvoroff dit à propos de ses exploits sous Ismaïl: „Koutouzoff a déployé une fois de plus son habileté consommée et sa valeur personnelle. Il marchait à mon aile gauche, mais il a été mon bras droit"; ce fut aussi à cette occasion que Souvoroff prononça sa fameuse phrase: „De Ribas lui-même ne viendra pas à bout de Koutouzoff". L'année suivante, en 1791, Koutouzoff alla servir sous les ordres du prince Repnine, et, avec le prince S. Golitzyne et le prince G. Wolkonsky, tailla les Turcs en pièces à Matchine: cette affaire leur valut à tous les trois St-Georges de 2e classe, sur la proposition du prince Repnine. Après la paix de Yassy, Koutouzoff fut envoyé par l'Impératrice en qualité d'ambassadeur extraordinaire à Constantinople. En 1794, à la mort du comte d'Anhalt, il fut nommé directeur du Corps des Cadets, cette „pépinière militaire", selon l'expression de Catherine II, et y enseigna lui-même l'histoire et la tactique. Sous Paul Ier, il mena à bien diverses missions diplomatiques à Berlin et reçut en 1800 le cordon de St-André. A l'avènement d'Alexandre Ier, il fut nommé gouverneur militaire de Pétersbourg à la place du comte Pahlen, mais donna sa démission en 1802 pour se retirer dans ses terres en Volhynie. La guerre de 1805 le remit à la tête de l'armée russe: ses sages conseils ne furent malheureusement pas écoutés, et la campagne aboutit au désastre d'Austerlitz, où il reçut une nouvelle blessure à la joue. Tombé en disgrâce à la suite de ces événements, il fut nommé général gouverneur, d'abord de Kieff, puis de Vilna. En 1811, il mit fin par une paix heureuse à la guerre de Turquie et, le 29 octobre, fut élevé à la dignité de comte. Puis vint 1812. A la suite des dissentiments survenus entre Barclay de Tolly et Bagration, l'Empereur choisit, contre son sentiment personnel, celui que désignait l'opinion publique, Koutouzoff, pour le faire commandant en chef de l'armée russe. La bataille de Borodino et toutes les opérations contre Napoléon jusqu'à la Bérézina sont attachées au nom de Koutouzoff. Il reçut successivement au cours de cette campagne la dignité de prince avec titre d'altesse sérénissime, le bâton de feld-maréchal, le nom de Smolensky et l'ordre de St-Georges de 1re classe. Au milieu de l'entraînement général, il fut le seul à apprécier sainement la situation: il conseillait de s'arrêter à la Vistule et de ne pas combattre „pour la liberté de l'Allemagne". Il mourut le 16 avril 1813 à Bunzlau, des fatigues de la campagne et de ses vieilles infirmités, et fut inhumé à Pétersbourg, à la cathédrale de Kazan.

Le prince Koutouzoff était un vrai russe; esprit prompt et souple, diplomate éminent, il avait un sang-froid imperturbable sur le champ de bataille; il savait inspirer confiance à ses subordonnés, et ses talents militaires furent appréciés par les Roumiantzeff et les Souvoroff. Sur ses vieux jours, avec son air éternellement endormi, il ne laissait rien échapper et, avec l'ironie qui lui était propre, sut toujours être à la hauteur de la situation.

(D'après l'original de Dawe, Salle des Feld-Maréchaux, Palais d'Hiver.)

12

Пис Day | Peint par Dawe

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій, 1745-1813 | Le Prince Michel Ilarionowitch Koutouzoff-Smolensky, 1745-1813

Князь МИХАИЛЪ БОГДАНОВИЧЪ БАРКЛАЙ-де-ТОЛЛИ, 1761—1818, происходилъ изъ Шотландскаго рода, переселившагося сперва въ Германію, потомъ въ Лифляндію; дѣдъ его былъ бургомистромъ въ Ригѣ, отецъ, женатый на дѣвицѣ Вермеленъ, служилъ при Екатеринѣ II въ военной службѣ; средній изъ сыновей послѣдняго, Михаилъ Богдановичъ, вступилъ на службу въ Псковскій карабинерный полкъ въ 1778 г. корнетомъ. Служа послѣдовательно адъютантомъ у Паткуля, графа Ангальта и принца Ангальтъ-Бернбургъ, родственника Екатерины II, Барклай обратилъ на себя вниманіе этихъ лицъ своей исполнительностью и строгимъ отношеніемъ къ службѣ. Въ Турецкую кампанію 1789 г. онъ былъ при осадѣ Очакова, за что награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст., при взятіи Аккермана и Бендеръ; въ Финляндіи находился въ войскахъ Игельстрома въ 1790 г., а Польская кампанія 1794 г. дала возможность Барклаю выказать свою храбрость и хладнокровіе и доставила ему штабъ-офицерскій чинъ и орденъ св. Георгія 4-й ст.; будучи въ 1799 г. генералъ-майоромъ, Барклай прекрасно командовалъ въ теченіе 9 лѣтъ 4-мъ Егерскимъ полкомъ, шефомъ коего онъ состоялъ. Кампанія 1806 и 1807 гг. выдвинула быстро Михаила Богдановича, какъ одного изъ нашихъ лучшихъ генераловъ. Въ сраженіи подъ Пултускомъ онъ командовалъ правымъ флангомъ (награжденъ за это дѣло орденомъ св. Георгія 3-й ст.), при Прейсишъ-Эйлау былъ серіозно раненъ. Когда, раненый, онъ лежалъ въ Мемелѣ, его посѣтилъ Императоръ Александръ I, дотолѣ лично его не знавшій, и этотъ случай, конечно, благопріятно отозвался на дальнѣйшей карьерѣ Михаила Богдановича. Уже въ качествѣ начальника дивизіи, Барклай весьма успѣшно дѣйствовалъ въ Шведскую кампанію 1808 г., а въ слѣдующемъ году, послѣ присоединенія Финляндіи, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Финляндской арміей и Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Несмотря на кратковременное пребываніе въ этой должности, Барклай сумѣлъ быстро завести порядокъ въ управленіи Финляндіей, а также ввелъ примѣрную дисциплину въ войскахъ. Въ Январѣ 1810 г. онъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Здѣсь, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ сдѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ и въ 1812 г. получилъ командованіе 1-й арміей, оставаясь военнымъ министромъ. Стоя упорно за отступленіе и за постепенное втягиваніе Наполеоновскихъ полчищъ въ глубину страны, Барклай навлекъ на себя большое неудовольствіе народа, арміи и болѣе пылкихъ подчиненныхъ ему генераловъ, а также своего старшаго товарища, князя Багратіона. Послѣдствіемъ этого была замѣна его Кутузовымъ. Но, несмотря на это пониженіе, Барклай велъ себя геройски подъ Бородинымъ, заслуживъ орденъ св. Георгія 2-й ст. Но послѣ этого разстроенное здоровье и нравственный гнётъ заставили Михаила Богдановича удалиться съ театра военныхъ дѣйствій. Онъ жилъ до Февраля 1813 г. въ своемъ помѣстьѣ въ Лифляндіи, когда, снова обласканный Императоромъ Александромъ I, вступилъ въ командованіе 3-й арміей, а послѣ Бауцена сталъ во главѣ русско-прусской арміи, вмѣсто Витгенштейна. Дѣйствія Барклая въ 1813 и 1814 гг. вполнѣ поддержали его репутацію выдающагося боевого генерала; онъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и звѣздой св. Георгія 1 ст., а за взятіе Парижа сдѣланъ фельдмаршаломъ; 22 Декабря 1813 г. Барклай-де-Толли былъ возведенъ въ графское, а 30 Августа 1815 г. въ княжеское Россійской Имперіи достоинство. Въ 1815 г. онъ снова выступилъ во главѣ 200-тысячной арміи, чтобы итти съ ней въ предѣлы Франціи, но пораженіе Наполеона подъ Ватерлоо прекратило военныя дѣйствія. Затѣмъ, въ мирные года, онъ продолжалъ командовать 1-й арміей, имѣя главную квартиру въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, но разстроенное здоровье принудило его ѣхать лѣчиться на Германскія воды; въ пути онъ скончался, близъ Кенигсберга, 14 Мая 1818 года.

Князь Барклай-де-Толли былъ женатъ на Еленѣ Ивановнѣ фонъ-деръ-Смиттенъ († 1828 г.), отъ которой имѣлъ одного только сына, князя Эрнеста Михайловича (полковникъ и флигель-адъютантъ; женатъ на Леокадіи Кампенгаузенъ). Михаилъ Богдановичъ былъ высоко порядочнымъ человѣкомъ въ частной жизни, удивительно хладнокровнымъ въ бояхъ и обладалъ прекрасными военными способностями.

(Съ портрета, писаннаго Г. Дау и находящагося въ фельдмаршальской залѣ Зимняго Дворца.)

Le prince MICHEL BOGDANOWITCH BARCLAY-DE-TOLLY, 1761—1818, descendait d'une famille écossaise émigrée d'abord en Allemagne, puis en Livonie; son grand-père fut bourgmestre de Riga, et son père, marié à une demoiselle Wermelen, militaire sous Catherine II. Second de trois frères, il entra au service en 1778 comme cornette aux carabiniers de Pskoff. Successivement aide de camp de Patkul, du comte d'Anhalt et du prince d'Anhalt-Bernbourg, parent de Catherine II, il se fit remarquer d'eux par sa ponctualité et sa rigueur dans le service. Il fit la campagne de Turquie de 1789, et fut au siège d'Otchakoff, qui lui valut St-Vladimir de 4e classe, et à la prise d'Akkermann et de Bender; on le trouve l'année suivante en Finlande à l'armée d'Igelström, puis, en 1794, en Pologne, où il révéla sa bravoure et son sang-froid et gagna le grade d'officier et St-Georges de 4e classe. Général major en 1799, il commanda brillamment pendant neuf ans le 4e chasseurs, dont il était chef. La campagne de 1806/1807 le mit rapidement en relief comme un de nos meilleurs généraux: Pultusk, où il dirigeait l'aile droite, lui valut St-Georges de 3e classe, et il fut grièvement blessé à Preussisch-Eylau; la visite dont l'Empereur Alexandre Ier, qui ne le connaissait pas encore personnellement, l'honora alors à Mémel, où il était en traitement, eut naturellement une heureuse influence sur la suite de sa carrière. Il était déjà à la tête d'une division lorsqu'il fit avec un plein succès la campagne de Suède de 1808, et, l'année suivante, après l'annexion de la Finlande, il fut nommé commandant en chef de l'armée de Finlande et général gouverneur en Finlande, et promu général d'infanterie. Il n'y resta que peu de temps, mais sut rapidement faire régner l'ordre dans l'administration du pays et une discipline exemplaire parmi les troupes. Ministre de la Guerre en janvier 1810, il employa deux années à faire tous les préparatifs nécessaires à la lutte contre Napoléon, et, en 1812, reçut le commandement de la 1re armée, tout en restant ministre. Partisan acharné de la retraite devant les hordes napoléoniennes, pour les laisser s'enfoncer graduellement dans l'intérieur du pays, il s'attira le violent mécontentement de la nation, de l'armée et de ses subordonnés plus ardents, ainsi que de son vieux camarade le prince Bagration, et finalement fut remplacé par Koutouzoff. Malgré cette humiliation, il eut à Borodino une conduite héroïque, qui lui valut St-Georges de 2e classe. Mais sa santé ébranlée et son moral déprimé lui firent quitter le théâtre des opérations militaires. Il se retira dans son domaine de Livonie, jusqu'à ce qu'en février 1813, un retour de faveur d'Alexandre Ier le mît à la tête de la 3e armée: après Bautzen, il succéda à Wittgenstein dans le commandement de l'armée russo-prussienne. Ses opérations en 1813/1814 soutinrent dignement son renom d'homme de guerre éminent; il fut en récompense décoré de St-André et de l'ordre de St-Georges de 1re classe, à la prise de Paris, fait feld-maréchal, puis élevé, le 22 décembre 1813, à la dignité de comte, et, le 30 août 1815, à celle de prince de l'Empire Russe. En 1815, il allait envahir le territoire français avec une armée de 200.000 hommes, quand Waterloo vint mettre fin à la guerre. La paix rétablie, il conserva le commandement de la 1re armée, avec son quartier général à Mohileff-sur-le-Dniester, mais le mauvais état de sa santé l'obligea à aller prendre les eaux en Allemagne: il mourut en route, près de Königsberg, le 14 mai 1818.

Le prince Barclay-de-Tolly épousa Hélène Ivanowna von der Smitten († 1828), dont il n'eut qu'un fils, Ernest, colonel et aide de camp de Sa Majesté, marié à Léocadie Kampenhausen. D'une haute valeur morale comme homme privé et d'un sang-froid extraordinaire au feu, Barclay-de-Tolly était doué de remarquables talents militaires.

(D'après l'original de G. Dawe, Salle des Feld-Maréchaux, Palais d'Hiver.)

13

Пис: Day | Peint par Dawe

Князь Михаилъ Богдановичъ Барклай-де-Толли, 1761-1818 | Le Prince Michel Bogdanowitch Barclay de Tolly, 1761-1818

Графъ **АЛЕКСѢЙ КИРИЛЛОВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ**, 1748—1822, старшій сынъ графа Кирилла Григорьевича отъ брака съ Екатериной Ивановной Нарышкиной, родился 12 Сентября 1748 г.; гетманъ старался дать сыновьямъ солидное и разностороннее образованіе, при чемъ образованіе графа А. К. Разумовскаго было закончено продолжительнымъ заграничнымъ путешествіемъ, во время котораго онъ слушалъ лекціи въ Страсбургѣ и посѣтилъ Италію и Англію. Записанный при рожденіи въ военную службу, онъ былъ произведенъ Петромъ III въ ротмистры и переименованъ въ камеръ-юнкеры; въ 1775 г. Разумовскій былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, но уже въ 1778 г. вышелъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ своей великолѣпной подмосковной с. Горенкахъ. 28 Іюня 1786 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, но самолюбіе, оскорбленное отказомъ Екатерины назначить его президентомъ Коммерцъ-коллегіи, снова побудило его въ 1795 г. удалиться въ частную жизнь. Александръ I назначилъ Разумовскаго 2 Ноября 1807 г. попечителемъ Московскаго университета, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а 11 Апрѣля 1810 г. министромъ Народнаго Просвѣщенія. Разумовскій, однако, вскорѣ утомился новой дѣятельностью и 26 Мая 1812 г. испросилъ отпускъ, къ большому неудовольствію Александра I. Охлажденіе Государя и болѣзнь глазъ побудили Разумовскаго въ 1814 г. просить объ отставкѣ, на которую Императоръ согласился „сверхъ воли". Послѣдніе годы жизни Разумовскій провелъ въ Малороссіи, въ Почепѣ, гдѣ и умеръ 5 Апрѣля 1822 года. Останки его, послѣ продажи Почепа графу Клейнмихелю, были перенесены въ Спасскій Новгородъ-Сѣверскій монастырь; надъ могилой графа А. К. Разумовскаго возвышается гробница съ надписью, въ которой ему присвоено названіе „бѣднымъ помощника, наукамъ покровителя". Отъ брака съ графиней В. П. Шереметевой, Разумовскій имѣлъ 2 сыновей и 2 дочерей, да отъ дочери своего берейтора, М. М. Соболевской, имѣлъ 5 „воспитанниковъ" и 5 „воспитанницъ", получившихъ фамилію „Перовскихъ".

Графъ А. К. Разумовскій былъ человѣкъ тяжелаго характера, суровый, мрачный и нелюдимый. Къ этимъ качествамъ присоединялись еще и другія, обусловленныя аристократической обстановкой, въ которую поставила Разумовскихъ игра счастья. Этотъ, по выраженію Вигеля, „начиненный французскою литературою" внукъ пастуха считалъ себя „русскимъ Монморанси" и съ непомѣрною гордостью смотрѣлъ на простыхъ смертныхъ, не взысканныхъ „припадками счастья". Онъ не довѣрялъ людямъ, прямо не любилъ видѣть ихъ, предпочитая сидѣть въ своемъ кабинетѣ, впрочемъ, при недовѣріи къ людямъ, онъ всегда находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ: онъ былъ и вольтеріанцемъ, и масономъ, и другомъ іезуитовъ. Разумовскій не былъ нечувствителенъ къ „чести и похвалѣ"; въ 25 лѣтъ онъ не прочь былъ занять какой-нибудь соотвѣтствовавшій его достоинствамъ постъ, въ родѣ президента Камеръ- или Мануфактуръ-коллегіи и выходилъ изъ себя, когда встрѣчалъ лишь „постоянныя у Двора огорченія", утѣшая себя тѣмъ, что въ высшихъ сферахъ „поставляютъ въ достоинство одни преимущества тѣлесныя". Но въ то же время ему была свойственна, по выраженію его отца, „проклятая лѣность" и ему скоро надоѣдали служебныя занятія. Его считали знатокомъ ботаники, и его садъ въ Горенкахъ и оранжереи были признаны „чудомъ Россіи". Но этотъ капризный дилетантъ разводилъ свои сады лишь для того, чтобы убить незанятое время, и не былъ способенъ къ серіозной научной работѣ, какъ братъ его, минералогъ гр. Григорій. По выраженію Вигеля, Разумовскій „изъ познаній своихъ дѣлалъ то же употребленіе, что изъ богатства, наслаждался ими безъ всякой пользы для другихъ". Кромѣ того, онъ былъ также одержимъ страстью производить дорогія и ненужныя постройки. Продавъ за 400.000 руб. благоустроенный домъ на Воздвиженкѣ, онъ истратилъ милліонъ рублей на постройку дворца на Гороховомъ полѣ. Безумная расточительность въ соединеніи съ откупными аферами разстроили его громадное состояніе, и въ послѣдніе годы жизни онъ осаждалъ Александра I просьбами купить въ казну его домъ на Гороховомъ полѣ. Какъ министръ, онъ не оставилъ по себѣ, по выраженію Вигеля, „никакой памяти". При немъ былъ открытъ Царскосельскій Лицей, было издано много циркуляровъ, но лично министру принадлежали только написанные имъ собственноручно—церемоніалъ открытія Царскосельскаго Лицея да правила для наблюденія за температурой въ помѣщеніяхъ этого заведенія...

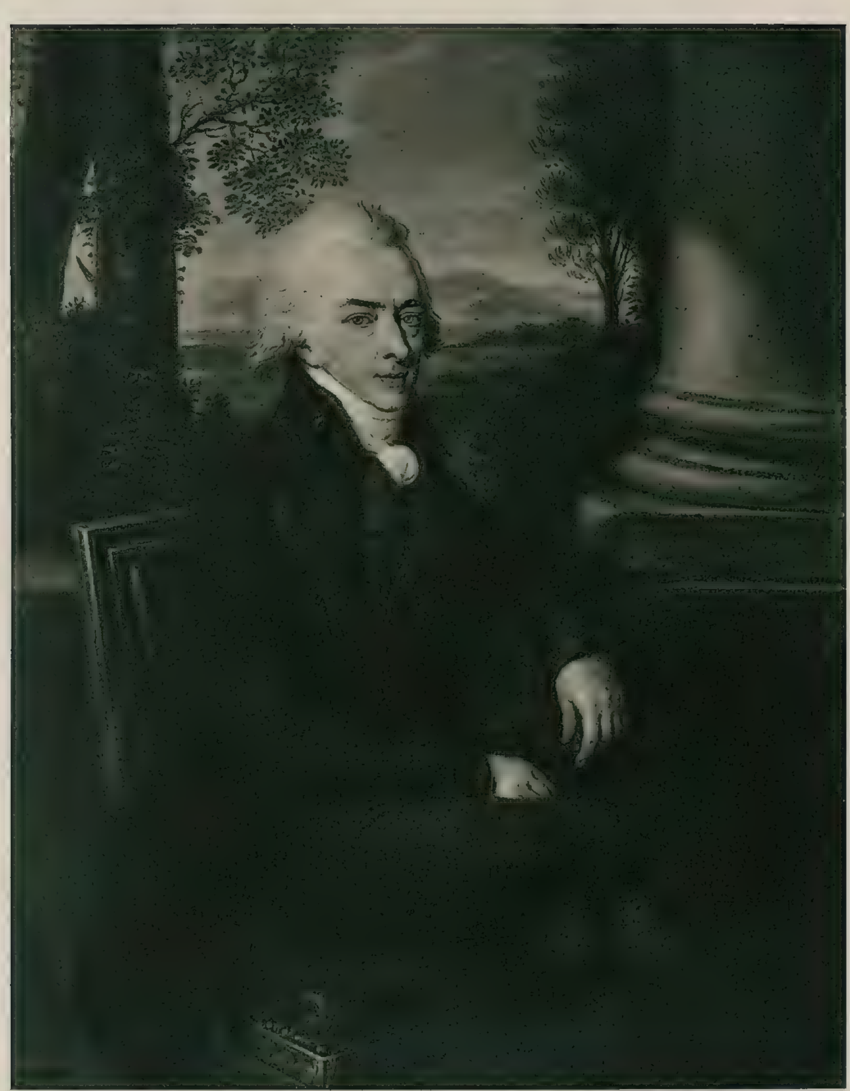
(Съ портрета Гуттенбрунна, 1801 г.; находится въ Музеѣ Императора Александра III.)

Le comte ALEXIS KIRILLOWITCH RAZOUMOWSKY, 1748—1822, fils aîné du comte Cyrille Grigoriewitch et de Catherine Ivanowna Narychkine, sa femme, naquit le 12 septembre 1748. L'hetman, son père, s'efforça de donner à ses fils une éducation solide et variée, et le comte A. K. Razoumowsky fit un voyage de longue durée à l'étranger, pendant lequel il étudia à Strasbourg et visita l'Italie et l'Angleterre. Voué, dès sa naissance, au service militaire, il fut promu par Pierre III capitaine de cavalerie et nommé gentilhomme de la chambre; en 1775, il devint chambellan actuel, quitta en 1778 le service et vécut dans son magnifique domaine de Gorenky, près Moscou. Le 28 juin 1786, promu au grade de conseiller privé, il fut nommé sénateur, mais son amour-propre blessé de n'avoir pas été appelé à la présidence du Collège du Commerce en 1795, l'engagea de nouveau à se retirer dans la vie privée. Alexandre Ier le nomma, le 2 novembre 1807, curateur de l'université de Moscou avec le grade de conseiller privé actuel et, le 11 avril 1810, ministre de l'instruction publique. Mais Razoumowsky se fatigua bientôt de ses nouvelles fonctions et demanda un congé le 26 mai 1812, au grand mécontentement de l'Empereur. Le refroidissement de Sa Majesté à son égard et une maladie d'yeux engagèrent le comte à demander en 1814 sa retraite, ce à quoi Alexandre Ier accéda „contre son gré". Il passa ses dernières années en Petite-Russie, à Potchep, où il mourut le 5 avril 1822. Ses restes, après la vente de son domaine au comte Kleinmichel, furent transférés au monastère Spassky de Novgorod-Séverskoï. Sur sa tombe est érigé un monument avec une inscription, où il est nommé „l'aide des pauvres, le protecteur des sciences". Il eut de son mariage avec la comtesse B. Chérémételf deux fils et deux filles et de la fille de son écuyer, M. M. Sobolewsky, cinq garçons et cinq filles, qui reçurent le nom de Pérowsky.

Le comte A. Razoumowsky avait un caractère difficile, sévère, morne et misanthrope. A ces qualités s'en joignaient d'autres, qui dépendaient de la mise en scène où le jeu de la fortune avait placé les Razoumowsky. Cet homme „imbu", suivant Viegel, „de la littérature française", petit-fils de berger, se croyait un „Montmorency russe" et regardait avec un excessif orgueil les simples mortels, qui n'avaient pas été comblés „des biens de la fortune". Il n'avait aucune confiance aux hommes, il n'aimait pas les voir, préférait rester dans son cabinet et pourtant, malgré sa méfiance, il se trouvait toujours influencé: il était et voltairien, et franc-maçon, et ami des jésuites. Razoumowsky n'était pas insensible „à l'honneur et à la louange". A 25 ans, il était prêt à occuper un poste conforme à sa dignité, dans le genre de celui de président de la „Kamer-Collegia" ou du Collège des manufactures; il sortait des gonds, quand il ne rencontrait sans cesse „à la cour que mortification", et il s'en consolait par la pensée que „seuls les avantages physiques vous sont comptés" dans les hautes sphères. Mais en même temps, suivant le dire du père, „la maudite paresse" était son propre, et les occupations du service l'ennuyaient bien vite. Il passait pour un connaisseur de botanique, et son jardin et ses serres à Gorenky étaient réputés „une merveille de la Russie". Mais ce capricieux dilettante ne cultivait ses jardins que pour tuer le temps et n'était pas capable, comme son frère Grégoire, le minéralogiste, d'un travail scientifique sérieux. Viegel déclare que Razoumowsky „faisait le même emploi de ses connaissances que de ses richesses, il en jouissait sans aucun profit pour les autres". Il était en outre pris de la passion de construire des édifices aussi chers qu'inutiles. Après avoir vendu 400.000 roubles sa belle maison à Vozdvigenka, il dépensa un million à la construction d'un palais au champ Gorokhoff. Son insensée prodigalité et ses spéculations dérangèrent son immense fortune, et les derniers temps de sa vie il assiégeait Alexandre Ier de demandes: il voulait vendre à la couronne sa maison du champ Gorokhoff. Il ne laissa comme ministre, suivant Viegel, „aucun souvenir". C'est sous lui que fut fondé le lycée de Tzarskoé-Sélo et que furent éditées beaucoup de circulaires; mais ce qui lui appartient en propre, ce sont le cérémonial de l'inauguration du lycée, qu'il a écrit lui-même, et les règlements sur la température dans les différents locaux de cet établissement.

(D'après le portrait de Guttenbrunn, 1801; se trouve au musée d'Alexandre III.)

14

Пис. Гуттенбруннъ, 1801 | Peint par Guttenbrunn, 1801

Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, 1748–1822 | Le Comte Alexis Kyrillowitch Razoumowsky, 1748–1822

Экспед. загот. Госуд. бумагъ. Manufacture des papiers d'Etat

La comtesse ANNA ALEXÉEWNA MATIOUCHKINE, 1722—1804, fille aînée du prince Alexis Matvéewitch Gagarine et de la baronne Anna Pétrowna Chafiroff, fille aînée du vice-chancelier du temps de Pierre-le-Grand, naquit en 1722, et, selon les Mémoires de Catherine II, en 1716. Ses deux sœurs, demoiselles d'honneur de l'Impératrice Elisabeth, étaient attachées à la personne de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. A la mort de l'une d'elles, qui succomba à la fièvre chaude en 1746, la princesse Anna fut appelée de Moscou par l'Impératrice Elisabeth pour lui succéder. La seconde sœur, la princesse Daria Alexéewna, se maria l'année suivante avec le fiancé de la défunte, le prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne, et des trois sœurs Gagarine, la princesse Anna seule resta auprès de la Grande-Duchesse pendant le temps pénible de sa vie. Catherine II, dans ses „Mémoires", parle plus d'une fois avec bienveillance de la princesse Gagarine, qui, de toutes les dames de cour qu'Elisabeth lui avait attachées, lui fut le plus dévouée et elle le prouva par des faits. Elle servit d'abord de médiatrice dans l'intrigue qui commençait entre Catherine et le comte Zakhar Tchernycheff, mais, remarquant que cela allait trop loin, elle refusa non seulement de remettre les billets doux de la Grande-Duchesse, mais elle la gronda pour le rôle qu'elle lui faisait jouer, et Catherine, autant qu'on le voit dans ses „Mémoires", n'en ressentit aucun grief. A cette même époque, la princesse Gagarine ne cacha point son antipathie pour Serge Saltykoff et pourtant Catherine l'aima et „eut confiance en elle". La princesse ne s'oublia pas elle-même dans cette atmosphère d'intrigues sentimentales et d'aventures galantes. Ni jeune, ni belle, mais intelligente et pleine de ressources, possédant en outre une fortune convenable, elle se chercha un fiancé parmi la jeunesse de la Cour. Mais son choix s'arrêta malheureusement, à deux reprises différentes, sur de beaux jeunes gens, qui avaient déjà attiré l'attention d'Elisabeth. L'Impératrice, remarquant sans doute son penchant pour Chouvaloff, lui chercha noise, dit-on, lui fit des remarques sur sa toilette et lui défendit positivement de porter telle ou telle parure à la mode. Ce ne fut que la troisième fois que le sort lui sourit, quand elle s'éprit du beau Dmitri Mikhaïlowitch Matiouchkine (1725—1800), élevé dans la suite à la dignité de comte du Saint-Empire Romain (le 18 novembre 1762). L'Impératrice, elle-même, lui vint en aide; elle désirait alors l'éloigner de la Petite Cour. Elisabeth Pétrowna engagea la vieille générale Matiouchkine, qui ne voulait pas que son fils épousât une princesse âgée, qui avait près de 40 ans, à donner son consentement, et le mariage eut lieu en 1754. Catherine se sépara, quoique à regret, de sa favorite, mais fut contente de son bonheur et lui témoigna toujours une bienveillance particulière. Le 8 mars 1759, la comtesse Matiouchkine fut présente à la mort de la fille de Catherine, la Grande-Duchesse Anna Pétrowna, au transport de son corps au monastère de Newsky et elle fut de service jusqu'à l'enterrement. Le jour du couronnement, le 22 septembre 1762, elle devint dame d'honneur. L'Empereur Paul la distingua d'une manière toute particulière, en mémoire de son service à la Cour de son père et, six jours après son avènement au trône, il l'éleva à la dignité de grande-maîtresse de la Cour. Ce fut elle la première, qui, en cette qualité, portât le portrait au côté droit. Le jour de son couronnement, la comtesse ne put, pour cause d'infirmité, arriver à St-Pétersbourg, et Paul la nomma dame de l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe; quelque temps après, l'Empereur, en signe de faveur spéciale, lui envoya, pour les porter, son portrait et celui de l'Impératrice Marie Féodorowna.

La comtesse Matiouchkine mourut le 3 mai 1804; elle fut enterrée à la laure d'Alexandre Newsky, entre l'église de l'Annonciation et celle du Saint-Esprit. Elle avait un fils, le comte Nicolas Dmitriewitch († célibataire en 1775), et une fille Sophie (née en 1755, † en 1796), mariée au comte George Mikhaïlowitch Vielgorsky.

(D'après un original, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

15

Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, 1722 1804 | La Comtesse Anna Alexéewna Matiouchkine. 1722-1804

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ   Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **ПЕТРЪ БОРИСОВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ**, 1713—1788, старшій сынъ сподвижника Петра Великаго фельдмаршала графа Бориса Петровича отъ второго его брака съ Анной Петровной Салтыковой, по первому мужу Нарышкиной, родился 26 Февраля 1713 г.; записанный въ Преображенскій полкъ, онъ до воцаренія Елисаветы выслужилъ лишь чинъ капитана и званіе камергера. Пожалованный Елисаветою въ дѣйствительные камергеры, онъ сталъ быстро возвышаться по чиновной лѣстницѣ, благодаря женитьбѣ на тридцатилѣтней красавицѣ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской (р. 11 Сентября 1711 г., † 2 Октября 1767 г.), дочери канцлера князя Черкасскаго и наслѣдницѣ богатѣйшаго въ Россіи состоянія. Въ царствованіе Елисаветы Петровны Шереметевъ дослужился до чина генералъ-аншефа и званія генералъ-адъютанта и былъ украшенъ орденами св. Анны и Александра Невскаго. Петръ III пожаловалъ его въ оберъ-камергеры и наградилъ орденомъ св. Андрея. Екатерина II назначила его сенаторомъ. Оставивъ службу въ 1768 г., Шереметевъ умеръ 30 Ноября 1788 г. и погребенъ въ Знаменской церкви Московскаго Новоспасскаго монастыря; отъ брака съ княжной В. А. Черкасской имѣлъ 4 сыновей: Бориса-Порфирія, Алексѣя, Николая и Петра, изъ которыхъ первые двое и послѣдній умерли въ дѣтствѣ, и дочерей Марію („зовомую" въ жизни Анной), умершую отъ оспы 17 Мая 1768 г., Варвару (въ замужествѣ за графомъ А. К. Разумовскимъ) и Марію (умерла въ младенчествѣ); кромѣ того, онъ имѣлъ еще нѣсколько „воспитанниковъ" (Реметевы).

Въ противоположность своему знаменитому отцу, полвѣка со славой подвизавшемуся на военномъ поприщѣ, графъ П. Б. Шереметевъ не обнаружилъ способностей ни къ военной, ни къ гражданской службѣ. Единственнымъ плодомъ его служебной дѣятельности является составленный имъ „Уставъ о должностяхъ и преимуществахъ оберъ-камергера". Обладая 140.000 душъ крестьянъ, онъ не обременялъ себя службой и жилъ въ свое удовольствіе. Ему не были чужды извѣстные умственные и художественные запросы: для него выписывались изъ-за границы политическія и философскія сочиненія и газеты „рейнскія, лейденскія и колоньскія". Онъ собралъ и издалъ въ свѣтъ бумаги своего отца; его театръ и оркестръ были лучшими въ Россіи. Его служащіе были постоянно озабочены пріобрѣтеніемъ для него то „рѣдкихъ рудъ, окаменѣлостей и животныхъ", то „бюстовъ эллинскихъ боговъ", то гравюры „съ картинъ славнаго живописца Мурилова". То онъ мечталъ объ устройствѣ для Кусковскаго пруда яхтъ „со всѣмъ украшеніемъ", командой и съ пушками, то заботился о покупкѣ раковинъ для уборки Кусковскаго грота. Но при всѣхъ затѣяхъ и причудахъ графъ П. Б. Шереметевъ оставался всегда расчетливымъ хозяиномъ, входившимъ во всѣ мелочи своего огромнаго хозяйства. Служащіе графа хорошо знали, что онъ „въ большіе депансы входить не намѣренъ". Онъ самъ опредѣлялъ, сколько „французскихъ калачей" долженъ получать ежедневно каждый изъ его домочадцевъ, соображалъ, какъ бы повыгоднѣе перекрыть флигеля и сдѣлать рѣшетку въ Петербургскомъ домѣ. Отъ его зоркаго глаза не ускользала мелочь въ родѣ того, что въ присланной изъ вотчины колотой рыбѣ „трехъ форелей не явилось". Все у него было основано на практическихъ соображеніяхъ: онъ устраивалъ въ своихъ вотчинахъ школы, для обученія крѣпостныхъ наукамъ, „которыя по дому нужны". Какъ расчетливый хозяинъ, онъ былъ противникомъ эксплоатаціи крѣпостныхъ, находя нужнымъ маломочныхъ „отъ всѣхъ ихъ тягостей освободить", чтобы они „могли себя поправить и пріити въ лучшее состояніе". Какъ практическій человѣкъ, графъ Шереметевъ всегда не прочь былъ посылкой „абрикозовъ" и другихъ оранжерейныхъ диковинокъ или инымъ какимъ способомъ заискать, по обычаю того времени, у нужнаго человѣка, въ родѣ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, ссылаясь на то, что „въ князѣ Александрѣ Алексѣевичѣ всегда бываетъ надобность". Но зато, когда нужно было поддержать фамильную честь, графъ П. Б. Шереметевъ, хотя и жалуясь на „большіе расходы", торжественно принималъ Екатерину II въ Кусковѣ и давалъ праздники, поражавшіе иностранцевъ никогда невиданною ими пышностью.

(Съ портрета И. Аргунова; собственность графа А. Д. Шереметева, с. Останкино, Московской губ.)

Le comte PIERRE BORISSOWITCH CHÉRÉMÉTEFF, 1713—1788, fils aîné du feld-maréchal comte Boris Pétrowitch (le compagnon d'œuvre de Pierre-le-Grand) de son second mariage avec Anne Pétrowna Saltykoff, en premières noces Narychkine, naquit le 26 février 1713; inscrit sur les rangs du régiment de Préobrajensky, il n'avait atteint à l'avènement d'Elisabeth que le grade de capitaine et le titre de chambellan. Créé par Elisabeth chambellan actuel, il fit rapidement son chemin dans la voie hiérarchique, grâce à son mariage avec la belle princesse Varvara Alexéewna Tcherkassky (1711—1767), âgée de 30 ans, fille du chancelier prince Tcherkassky et héritière de la plus grande fortune de Russie. Sous le règne d'Elisabeth Pétrowna, Chéréméteff atteignit le grade de général en chef, le titre d'aide de camp général et fut décoré des ordres de Ste-Anne et d'Alexandre Newsky. Pierre III le fit grand chambellan et lui conféra l'ordre de St-André. Catherine II le nomma sénateur. Chéréméteff quitta le service en 1768 et mourut le 30 novembre 1788; il est inhumé à Moscou, dans l'église de Znamensky du monastère de Novospassky; il eut de son mariage avec la princesse B. Tcherkassky quatre fils: Boris-Porphyre, Alexis, Nicolas et Pierre (les deux premiers et le dernier moururent tout jeunes), et trois filles: Marie („appelée" Anne), morte de la petite vérole le 17 mai 1768, Varvara (qui épousa le comte A. Razoumowsky) et Marie (morte au berceau); il avait de plus plusieurs „pupilles" (les Réméteff).

A l'opposé de son illustre père, qui suivit avec éclat la carrière des armes pendant un demi-siècle, le comte Chéréméteff ne fit preuve de talent ni au militaire, ni au civil. Son „Règlement des obligations et des prérogatives du grand chambellan" est le seul résultat de son service actif. Possédant 140.000 serfs, son service ne le surchargeait pas, et il vivait à sa guise. Il n'était pas étranger à certaines questions intellectuelles et artistiques: on faisait venir de l'étranger à son usage des ouvrages politiques et philosophiques et les gazettes „du Rhin, de Leyde et de Cologne". Il rassembla et publia les papiers de son père; son théâtre et son orchestre étaient les meilleurs de la Russie. Ses serviteurs étaient constamment en train d'acquérir pour son compte soit „des minerais rares, des fossiles et des animaux", soit „des bustes des dieux de la Grèce", soit des gravures „reproduisant les tableaux de l'illustre peintre Murillo". Tantôt il songeait à faire construire pour l'étang de Kouskovo des yachts „avec tout leur gréement", ayant un équipage au complet et des canons, tantôt il était occupé à acheter des coquillages pour orner la grotte de Kouskovo. Le comte Chéréméteff, malgré toutes ses innovations et ses bizarreries, n'en était pas moins administrateur regardant, entrant dans les moindres détails de la gestion de ses immenses domaines. Les serviteurs du comte n'ignoraient pas „qu'il n'avait pas l'intention de faire de grandes dépenses". Il fixait lui-même le nombre de „croissants de France" que devait recevoir quotidiennement chacun des membres de son entourage, et calculait les moyens de recouvrir le plus avantageusement possible les ailes de sa maison de Pétersbourg et d'y établir une grille. Aucune vétille n'échappait à son œil perspicace, pas même „l'absence de trois truites" sur le nombre des poissons tués au trident qu'on lui avait envoyés de son domaine. Tout chez lui était affaire de calcul pratique: il établissait dans ses propriétés des écoles pour inculquer à ses serfs les connaissances „bonnes pour le ménage". Maître prévoyant, il était opposé à l'exploitation des serfs, trouvant nécessaire „de libérer les chétifs de toutes leurs corvées", afin „qu'ils pussent se remettre et prendre du corps". En homme pratique, le comte Chéréméteff ne répugnait pas, soit en faisant cadeau „d'abricots" ou d'autres raretés de serre, soit en employant quelque autre moyen, à se faire valoir, selon l'usage du temps, aux yeux d'une personne indispensable, comme l'était par exemple le procureur général prince Viazemsky, alléguant „qu'on pouvait toujours avoir besoin du prince Alexandre". En revanche, quand il s'agissait de soutenir le renom de la famille, le comte Chéréméteff, tout en se plaignant „des grands frais", recevait solennellement Catherine II à Kouskovo et donnait des fêtes qui éblouissaient les étrangers par leur pompe inaccoutumée.

(D'après un original d'Argounoff, appartenant au comte A. Chéréméteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

16

Пис. И. Аргуновъ | Peint par J. Argounoff

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. 1713-1788

Le Comte Pierre Borissowitch Chéréméteff. 1713-1788

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

17

Княгиня **АННА АЛЕКСАНДРОВНА ГОЛИЦЫНА**, 1763—1842, дочь гвардіи капитана царевича Грузинскаго Александра Бакаровича, женатаго на княжнѣ Даріи Александровнѣ Меншиковой, была супруга, съ 1790 г., генералъ-лейтенанта князя Бориса Андреевича Голицына (1766—1822; см. т. III, № 115). Въ первомъ бракѣ Анна Александровна была за побочнымъ сыномъ вице-канцлера князя Александра Михайловича Голицына, Александромъ Александровичемъ де-Лицынымъ (р. 1760 г., † 1789 г.).

Княгиня Анна Александровна, умная, добродѣтельная и хозяйственная, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ и играла большую роль въ высшемъ свѣтѣ подъ именемъ „princesse Boris". Письма ея, рисующія петербургское общество конца царствованія Екатерины II, дышащія искренностью и прямотою, напечатаны въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1887 года.

Отъ перваго брака у княгини Голицыной дѣтей не было, отъ второго она имѣла троихъ сыновей и пять дочерей.

(Съ портрета В. Лебренъ, 1796 г.; собственность Е. А. Нарышкиной, въ С.-Петербургѣ.)

17

La princesse ANNE ALEXANDROWNA GOLITZYNE, 1763—1842, fille du tzarévitch de Géorgie, Alexandre Bakarowitch, capitaine de la garde, et de la princesse Darie Alexandrowna Menchikoff, devint en 1790 la femme du lieutenant-général le prince Boris Andréewitch Golitzyne (1766—1822; v. T. III, № 115). Anne Alexandrowna avait épousé en premières noces Alexandre Alexandrowitch de Litzyne (1760—1789), fils naturel du vice-chancelier, le prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne.

La princesse Anne Golitzyne était intelligente, vertueuse et bonne ménagère; elle jouissait de l'estime de tous et jouait un beau rôle dans le grand monde sous le nom de „princesse Boris". Ses lettres, qui peignent la société pétersbourgeoise de la fin du règne de Catherine II, respirent la sincérité et la droiture; elles ont été publiées dans le „Messager historique" de 1887.

La princesse n'eut pas d'enfant du premier mariage, mais elle eut du second 3 fils et 5 filles.

(D'après le portrait de V. Lebrun, 1796, appartenant à Mme E. Narychkine, St-Pétersbourg.)

17

Пис. Виже Лебрень | Peint par Vigée-Lebrun

Княгиня Анна Александровна Голицына, 1763-1842 | La Princesse Anna Alexandrowna Golitzyne, 1763-1842

Графиня ПРАСКОВІЯ ИВАНОВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1768—1803, дочь крѣпостного князей Черкасскихъ Ивана Ковалевскаго, родилась 20 Іюля 1768 года; въ дѣтствѣ была взята изъ родительскаго дома жившей у графа Петра Борисовича Шереметева родственницей его, княгиней Мареой Михайловной Долгорукой, и воспитана въ Кусковской школѣ графа. Какъ и другія воспитанницы этой школы, предназначавшіяся къ выступленію на домашнемъ театрѣ графа, она получила совершенно исключительное образованіе, обучалась французскому и итальянскому языкамъ; одаренная большими музыкальными способностями и хорошимъ голосомъ, она съ успѣхомъ сдѣлала свои первые шаги на Кусковской сценѣ подъ именемъ „Жемчуговой“. Любовь къ музыкѣ и совмѣстныя ею занятія сблизили ее, въ началѣ 80-хъ годовъ, съ сыномъ графа П. Б. Шереметева, графомъ Николаемъ Петровичемъ (р. 1751 г., † 1809 г.), и когда въ 1801 г. она сдѣлалась графиней Шереметевой, существовавшія между ними отношенія характеризовались уже ея мужемъ, какъ „двадцатилѣтняя привычка другъ къ другу“. Бракосочетаніе совершено было 8 Ноября 1801 г. въ Москвѣ, въ церкви Симеона Столпника, на Поварской, въ присутствіи только немногихъ свидѣтелей, но объявлено о бракѣ было лишь въ 1803 г., вслѣдъ за рожденіемъ ихъ сына, графа Димитрія. Бракъ этотъ, признанный и одобренный Императорами Павломъ и Александромъ I, явился не только неожиданностью для свѣта, удивленнаго женитьбою знатнаго вельможи на крѣпостной, „une de ses esclaves“, какъ выразилась графиня Ш. К. Ливенъ, но и разочарованіемъ для нѣкоторыхъ членовъ семьи гр. Н. П. Шереметева, разсчитывавшихъ на его наслѣдство. Только благодаря этому браку, огромное Шереметевское состояніе не увеличило собою богатствъ графовъ Разумовскихъ. Между тѣмъ, какъ говорится въ жизнеописаніи графини П. И. Шереметевой, найденномъ въ бумагахъ Шереметевскаго архива, „единымъ поводомъ къ возведенію ея супругомъ на высочайшую степень земного благополучія“ была „безпремѣнная неразлучность, въ продолженіе которой сія вѣрная, всѣми чувствіями преданная супруга безпрестанно дышала единою волею, единымъ угожденіемъ и страстною приверженностью къ супругу“. Послѣ бракосочетанія графъ Шереметевъ съ женою, до того проживавшіе большею частью въ Подмосковныхъ имѣніяхъ, Кусковѣ и Останкинѣ, переѣхали въ Петербургъ въ Шереметевскій домъ, на Фонтанкѣ. Скоро вслѣдъ за этимъ въ немъ и скончалась графиня Прасковія Ивановна отъ тяжелой болѣзни, три недѣли спустя послѣ рожденія сына, 23 Февраля 1803 г.; похоронена графиня въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры, въ усыпальницѣ графовъ Шереметевыхъ. Неутѣшная печаль мужа, пережившаго ее всего на 6 лѣтъ, и трогательная его память о супругѣ, которою проникнуты всѣ послѣдовавшія за ея смертью его распоряженія, свидѣтельствуютъ о нѣжной привязанности, соединявшей графа съ избранницей его сердца.

Графиня П. И. Шереметева не отличалась особенной красотой; сложенія она была слабаго и болѣзненнаго и, выздоровѣвъ разъ послѣ тяжкой болѣзни, избрала себѣ девизомъ и вырѣзала на печати слѣдующій текстъ: „Наказуя, наказа мя Господь, смерти же не предаде“. Отличительными чертами характера этой умной, глубоко вѣрующей русской женщины были доброта и скромность. Свѣтлый, обаятельный образъ графини-крестьянки пережилъ ее и надолго сохранился въ памяти, но и при ея жизни—широкая ея благотворительность была извѣстна всѣмъ „сирымъ и безпомощнымъ“: „никогда злато ея не оставалось въ сокровенности, щедрая рука ея простиралась всегда къ бѣдности и нищетѣ, и казнохранилища ея, при всѣхъ способахъ наполненія, остались пусты: все роздано—все обращено на помощь человѣчеству“. По ея завѣщанію, графомъ Н. П. Шереметевымъ былъ построенъ въ Москвѣ страннопріимный домъ, съ больницей, и положенъ капиталъ на выдачу приданаго бѣднымъ невѣстамъ.

Вокругъ имени графини П. И. Шереметевой сложилась поэтическая легенда, вылившаяся въ русской пѣснѣ, воспѣвающей якобы случайную ея встрѣчу съ бариномъ, будущимъ мужемъ, „вечеромъ позднимъ“, „у зеленаго лужка“. Ей же была посвящена книга француза Дюваля: „Элегія къ тѣни графини П. И. Шереметевой“, съ гравюрой Осипова (съ оригинала Изабе), изображающей мавзолей съ льющимся изъ него родникомъ, утоляющимъ жажду бѣдныхъ и больныхъ, и съ надписью:

„Такъ бѣднымъ, коимъ вѣкъ она благотворила,
„Изъ гроба своего источникъ благъ открыла“.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность графа А. Д. Шереметева, с. Останкино, Московской губ.)

La comtesse **PRASCOVIE IVANOWNA CHÉRÉMÉTEFF**, 1768—1803, fille d'un serf des princes Tcherkassky, Ivan Kovalewsky, naquit le 20 juillet 1768. Elle fut, enfant, retirée de la maison paternelle par une parente du comte Pierre Borissowitch Chéréméteff, qui vivait chez lui, la princesse Marthe Mikhaïlowna Dolgorouky, et élevée à l'école du comte, à Kouskovo. Comme toutes les autres élèves de cette école, destinées à paraître sur le théâtre des Chéréméteff, elle reçut une excellente éducation et apprit les langues française et italienne. Douée de grandes capacités pour la musique et d'une belle voix, elle débuta avec succès à Kouskovo, sous le nom de „Gemtchougova". Son amour pour la musique et ses occupations avec le fils du comte, Nicolas Pétrowitch (né en 1751, † en 1809), la rapprochèrent au commencement des années 80 de son mari; aussi, quand elle devint comtesse, en 1801, ce dernier put dire, en parlant des relations qui existaient déjà entre eux: „Nous nous sommes habitués l'un à l'autre depuis vingt ans". Les noces eurent lieu le 8 novembre 1801 à Moscou, dans l'église de Siméon Stolpnik sur la Povarskaïa, en présence de peu de témoins. Le mariage ne fut déclaré qu'en 1803, après la naissance d'un fils, Dmitri. Cette union, reconnue et approuvée par les Empereurs Paul et Alexandre Ier, fut non seulement une surprise pour le monde, étonné qu'un dignitaire eût épousé „une de ses esclaves", comme le disait la comtesse Lieven, mais encore un désappointement pour quelques membres de la famille, qui comptaient sur son héritage. C'est grâce seulement à ce mariage que la colossale fortune des Chéréméteff ne vint pas augmenter celle du comte Razoumowsky. Cependant, comme on le voit dans la biographie du comte Pierre, trouvée dans les archives de famille, „le seul motif qu'avait le comte de l'élever au comble du bonheur terrestre" était „l'invariable constance avec laquelle cette épouse fidèle, entièrement dévouée, n'avait sans cesse qu'une volonté, qu'un plaisir et qu'un attachement passionné à son mari". Après la noce, le comte Chéréméteff et sa femme, qui jusqu'alors n'avaient guère vécu que dans les domaines de Kouskovo et d'Ostankino, près de Moscou, se fixèrent à St-Pétersbourg dans leur maison, sur la Fontanka. Bientôt après la comtesse Prascovie Ivanowna mourut d'une grave maladie, trois semaines après la naissance d'un fils, le 23 février 1803. Elle fut enterrée dans l'église de Lazare, à la laure d'Alexandre Newsky, dans le caveau des comtes Chéréméteff. La douleur de l'inconsolable mari, qui ne lui survécut que six ans, et le souvenir ému qu'il en a gardé et qui se remarque dans toutes les dispositions prises après sa mort, témoignent du tendre attachement qui l'unissait à l'élue de son cœur. La comtesse Chéréméteff ne se distinguait pas par une beauté spéciale; elle était d'une constitution faible et maladive, et, un jour, relevant d'une grave maladie, elle se choisit comme devise et fit graver sur son sceau le texte suivant: „Le Seigneur, m'ayant envoyé des épreuves, ne m'a pas puni de mort". La bonté et la modestie étaient les traits caractéristiques de cette femme russe, intelligente et profondément croyante. L'image sereine et enchanteresse de la comtesse-paysanne lui a survécu, mais, pendant toute sa vie, sa grande bienfaisance était connue de tous „les orphelins et les délaissés": „Jamais son or ne restait caché, elle tendait toujours une main généreuse à la pauvreté et à la misère, et son trésor, quoiqu'il eût tous les moyens de se remplir, restait vide: tout était distribué, tout allait au secours de l'humanité". Le comte Chéréméteff, donnant suite à sa dernière volonté, construisit à Moscou un hospice avec un hôpital et y plaça un fonds pour doter les filles pauvres.

Le nom de la comtesse est entouré d'une légende poétique, qui a passé dans un chant russe, célébrant sa rencontre fortuite avec un seigneur, son futur époux, „tard le soir, sur la pelouse verte". Alexandre Duval lui a dédié son livre (Paris, 1804), „A l'ombre de Prascovia, comtesse de Chéréméteff, élégie", avec une gravure, composée par Isabey, représentant un mausolée, d'où s'échappe une source, étanchant la soif des pauvres et des malades et avec cette inscription:

„Ainsi l'humanité qu'elle a toujours servie
Trouve à son tombeau même une Source de Vie".

(D'après l'original d'Angélique Kauffmann, appartenant au comte A. Chéréméteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ЛЬВОВА, 1755—1807, дочь оберъ-прокурора Сената, бригадира Алексѣя Аѳанасьевича Дьякова, отъ брака съ княжной Авдотьей Петровной Мышецкой, родная сестра второй жены Державина, получила блестящее по тому времени домашнее воспитаніе: прекрасно говорила по-французски и неправильно писала по-русски. Красавицы сестры Дьяковы появились въ высшемъ обществѣ Петербурга, блистали на вечерахъ у Л. А. Нарышкина и обращали на себя вниманіе Великаго Князя Павла Петровича. Дарья, увѣковѣченная поэтомъ подъ именемъ „Милены“, вышла позднѣе за Державина, а Марія—за архитектора, почетнаго члена Академіи Художествъ, Николая Александровича Львова (р. 1751 г., † 22 Декабря 1803 г.), друга Державина и остроумнѣйшаго человѣка своего времени. Бракъ этотъ совершился при романической обстановкѣ, характеризующей влюбленныхъ. Родители противились браку дочери съ Львовымъ; тогда, около 1780 г., они обвѣнчались тайно въ Галерной гавани, и изъ церкви новобрачная вернулась въ родительскій домъ. Такъ продолжалось это болѣе 3 лѣтъ, пока, наконецъ, въ концѣ 1783 г. или началѣ 1784 г., Дьяковъ не далъ своего согласія; рѣшено было устроить свадьбу въ Ревелѣ. Когда насталъ часъ вѣнчанія, собравшимся роднымъ и гостямъ было объявлено, что женихъ и невѣста давно уже повѣнчаны. Чтобы не пропали даромъ всѣ приготовленія, тутъ же повѣнчали, вмѣсто господъ, лакея и горничную. Мужъ М. А. Львовой былъ близокъ съ писателями, поэтами и художниками своего времени, и домъ Львовыхъ сдѣлался мѣстомъ, гдѣ собиралось общество, интересовавшееся искусствомъ и литературой, при чемъ красавицу хозяйку, отличавшуюся добрымъ и веселымъ характеромъ, окружало всеобщее поклоненіе: влюбленный въ нее Хемницеръ посвятилъ ей свои басни; наши знаменитые художники Левицкій и Боровиковскій писали ея портреты. Два чудныхъ портрета перваго, писанныхъ въ 1778 и 1786 гг., въ самый расцвѣтъ ея красоты, украшаютъ собой Львовское собраніе портретовъ Румянцевскаго музея, въ Москвѣ; Боровиковскій написалъ съ нея нѣсколько миніатюръ, хотя этотъ родъ живописи и являлся у него рѣдкимъ исключеніемъ. Державинъ, подъ именемъ „Миловидовой“, вывелъ ее дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи „Кутерьма отъ Кондратьевъ“.

У Львовой было 2 сына, Леонидъ и Николай, и 3 дочери, Елизавета (за Львовымъ), Вѣра (за Воейковымъ) и Прасковья (за Бороздинымъ). Скончалась Марія Алексѣевна, 52 лѣтъ, 14 Іюня 1807 г., и Державинъ написалъ на смерть ея стихотвореніе „Поминки“:

„Побѣдительница смертныхъ,
„Не имѣя силъ терпѣть
„Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
„Поразила Майну—смерть.
„Возрыдали вкругъ Эроты,
„Всплакалъ, возрыдалъ и я“...

(Съ портрета, писаннаго Левицкимъ въ 1786 г.; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

19

MARIE ALEXÉEWNA LVOFF, 1755—1807, fille du brigadier Alexis Afanassiewitch Diakoff, haut procureur du Sénat, et d'Eudoxie Pétrowna, née princesse Mychetzky, était sœur de la seconde femme de Derjavine. Elle reçut à la maison paternelle une brillante éducation dans le goût de l'époque: elle parlait le français à la perfection et ne savait pas écrire correctement le russe. Les sœurs Diakoff firent paraître leur beauté dans la haute société de Pétersbourg, brillèrent aux bals de L. Narychkine et attirèrent l'attention du Grand-Duc Paul. Daria, immortalisée par Derjavine sous le nom de „Milène", devint dans la suite la femme du poète, et Marie épousa Nicolas Alexandrowitch Lvoff (1751—22 décembre 1803), architecte, membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts, ami de Derjavine et l'homme le plus spirituel du temps. Le mariage eut lieu dans des circonstances romanesques. Les parents de la jeune fille s'étaient opposés à l'union; alors, vers 1780, les amoureux se firent marier clandestinement au Port des Galères, et à la sortie de l'église, la mariée rentra à la maison paternelle. Trois ans passèrent ainsi; à la fin de 1783, où au commencement de 1784, Diakoff finit par donner son consentement; il fut décidé que le mariage se ferait à Rével. Le moment de la cérémonie arrivé, on annonça à la famille et aux invités que l'union était chose faite depuis longtemps. Pour faire servir les préparatifs, on maria séance tenante, au lieu des maîtres, un laquais et une femme de chambre. Lvoff était familier avec des écrivains, des poètes et des artistes du temps, et sa maison devint le rendez-vous de toute une société d'amateurs d'art et de littérature; la belle Mme Lvoff, avec sa bonté et sa gaîté, était l'objet des attentions de tous: Khemnitzer fut amoureux d'elle et lui dédia ses Fables, et nos célèbres peintres, Lévitzky et Borovikowsky, firent son portrait. Deux merveilleux originaux du premier, datés de 1778 et 1786, époque culminante de sa beauté, ornent la collection Lvoff au musée Roumiantzeff. On a aussi d'elle plusieurs miniatures par Borovikowsky, genre tout exceptionnel pour l'artiste. C'est également elle le personnage de „Milovidova" (en russe—„la Gentille") d'une comédie de Derjavine.

Mme Lvoff eut deux fils, Léonide et Nicolas, et trois filles, Elisabeth (Mme Lvoff), Véra (Mme Voéïkoff) et Prascovie (Mme Borozdine). Elle mourut à l'âge de 52 ans, le 14 juin 1807, et Derjavine composa à cette occasion une poésie intitulée „Souvenir":

„Celle qui vainc tous les mortels,
„Ne pouvant de cette beauté
„Souffrir les conquêtes sans nombre,
„La Mort, a frappé Maïna.
„Les Amours à l'envi sanglotent
„Et je pleure aussi, je gémis"...

(D'après l'original de Lévitzky, 1786; Musée Roumiantzeff, Moscou.)

20

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ БАКУНИНЪ, 1762—1805, сынъ тайнаго совѣтника, члена Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Петра Васильевича Бакунина-меньшого († 13 Мая 1786 г.), отъ брака съ Анной Сергѣевной Татищевой († 19 Октября 1778 г.), родился 24 Мая 1762 г.; въ 1777 г. былъ опредѣленъ на службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ; позднѣе, до 1789 г., состоялъ въ чинѣ коллежскаго асессора при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, затѣмъ пріѣхалъ въ Россію и, пожалованный въ камеръ-юнкеры, исполнялъ обязанности директора Императорской Академіи Наукъ съ 12 Августа 1794 г. по 1796 г., во время отпуска княгини Е. Р. Дашковой; 12 Ноября 1796 г. Бакунинъ былъ утвержденъ въ должности и оставался директоромъ Академіи до 8 Апрѣля 1798 г., когда былъ назначенъ къ посольству въ Вѣну; въ 1800 г. уволенъ отъ службы, пожалованный 3 Января 1797 г. въ камергеры, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; 21 Іюня 1801 г. былъ принятъ обратно на службу въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ дѣлъ „для употребленія къ мѣсту, званію и способностямъ сообразному“, и опредѣленъ къ миссіи въ Дрезденъ.

Бакунинъ былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Саблуковой, отъ которой имѣлъ двоихъ сыновей, Александра и Семена, и дочь Екатерину. Умеръ онъ 24 Декабря 1805 года.

(Съ портрета, писаннаго пастелью; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

20

PAUL PÉTROWITCH BAKOUNINE, 1762—1805, fils du conseiller privé, membre du Collège des affaires étrangères Pierre Vassiliewitch Bakounine junior (┼ le 13 mai 1786) et de sa femme, Anne Serguéewna Tatichtcheff (┼ le 19 octobre 1778), naquit le 24 mai 1762. Il entra au service en 1777 au Ministère des affaires étrangères; il fut plus tard, jusqu'en 1789, attaché, en qualité d'assesseur de collège, à l'ambassade russe de Londres. Il revint ensuite en Russie et, nommé gentilhomme de la chambre, il remplit les fonctions de directeur de l'Académie Impériale des sciences, du 12 août 1794 à 1796, pendant l'absence de la princesse E. R. Dachkoff. Le 12 novembre 1796, il fut confirmé dans cette charge et y resta jusqu'au 8 avril 1798, où nous le voyons à l'ambassade russe à Vienne. Il quitta le service en 1800, chambellan depuis le 3 janvier 1797 et conseiller d'état actuel. Le 21 juin 1801, il rentra de nouveau au service du Ministère des affaires étrangères „comme candidat à une place conforme à son rang et à ses capacités". Il fut nommé à la légation de Dresde. P. P. Bakounine était marié à Catherine Alexandrowna Sabloukoff, dont il eut deux fils, Alexandre et Siméon, et une fille Catherine. Il mourut le 24 décembre 1805.

(D'après un portrait au pastel, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

21

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БАКУНИНА, 1779—18.., дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, члена Государственнаго Совѣта Александра Александровича Саблукова (р. 11 Февраля 1749 г., † 7 Мая 1828 г.), женатаго на Екатеринѣ Андреевнѣ Волковой (кавалерственная дама; † 11 Апрѣля 1820 г.), была родной сестрой генераловъ Александра (р. 22 Октября 1783 г., † 3 Марта 1857 г.) и Николая (р. 1 Мая 1776 г., † 20 Іюня 1848 г.) Саблуковыхъ, изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ своими интересными записками о смерти Павла I.

Благодаря заботамъ матери, женщины высоко образованной и гуманной, всѣ дѣти получили весьма тщательное домашнее образованіе и прекрасно знали языки, въ томъ числѣ англійскій, къ которому въ семьѣ питали особую слабость. Около 1795 г. Екатерина Александровна вышла замужъ за камеръ-юнкера Павла Петровича Бакунина. Овдовѣвъ 24 Декабря 1805 г., она надолго пережила мужа; точно годъ смерти ея намъ неизвѣстенъ, но она скончалась послѣ 1828 года (годъ смерти ея отца, когда она еще „оплакивала его кончину“ съ братьями и сестрами).

Отъ брака съ Павломъ Петровичемъ Бакунинымъ (р. 1762 г., † 1805 г.), она имѣла двоихъ сыновей: Александра (р. 1 Августа 1797 г.; тайный совѣтникъ, губернаторъ въ Твери; женатъ былъ въ 1-мъ бракѣ на Аннѣ Борисовнѣ Зеленской, во 2-мъ—на Маріи Александровнѣ Щулепниковой) и Семена (родился въ Англіи въ 1802 г.; камергеръ, женатъ былъ на С. Н. Мухановой), и дочь Екатерину († 7 Декабря 1869 г.; въ нее былъ влюбленъ Пушкинъ; фрейлина, съ 1834 г. въ замужествѣ за А. А. Полторацкимъ, р. 7 Іюля 1792 г., † 13 Марта 1855 г.; оба погребены въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ).

(Съ портрета, писаннаго пастелью; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

21

CATHERINE ALEXANDROWNA BAKOUNINE, 1779—18.., fille du conseiller privé actuel, sénateur et membre du Conseil de l'Empire Alexandre Alexandrowitch Sabloukoff (né le 11 février 1749, † le 7 mai 1828) et de sa femme, Catherine Andréewna Volkoff (dame de Sainte-Catherine; † le 11 avril 1820), était la sœur des généraux Alexandre (né le 22 octobre 1783, † le 3 mars 1857) et Nicolas (né le 1er mai 1776, † le 20 juin 1848) Sabloukoff, dont le dernier est connu par ses intéressants mémoires sur la mort de Paul Ier.

Sa mère, femme d'une haute instruction, donna à tous ses enfants une éducation très soignée; ils connaissaient parfaitement les langues, surtout l'anglais, qui était la langue de prédilection de la famille. Catherine Alexandrowna se maria, vers l'année 1795, avec le gentilhomme de la chambre Paul Pétrowitch Bakounine. Veuve de bonne heure, le 24 décembre 1805, elle survécut longtemps à son mari. L'année de sa mort ne nous est pas connue; elle survécut aussi à son père, qui mourut en 1828 et dont elle „pleura la mort" avec ses frères et sœurs.

Elle eut de son mariage avec Paul Pétrowitch Bakounine (né en 1762, † en 1805) deux fils, Alexandre (né le 1er août 1797; conseiller privé, gouverneur de Tver; marié en premières noces à Anne Borissowna Zélensky et en secondes à Marie Alexandrowna Chtchoulepnikoff) et Siméon (né en Angleterre en 1802; chambellan, marié à S. N. Moukhanoff), et une fille Catherine († le 7 décembre 1869; Pouchkine en fut épris; demoiselle d'honneur, mariée en 1834 à A. Poltoratzky, né le 7 juillet 1792, † le 13 mars 1855; les deux sont enterrés dans le monastère de Novodévitchy à St-Pétersbourg).

(D'après un portrait au pastel, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

22

Княгиня АННА МИХАЙЛОВНА ПРОЗОРОВСКАЯ, 1747—1824, супруга генералъ-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровскаго (р. 1732 г., † 1809 г.), дочь генералъ-аншефа князя Михаила Никитича Волконскаго (р. 1713 г., † 1788 г.) отъ брака съ Елисаветой Алексѣевной Макаровой († 1782 г.), родилась 28 Іюня 1747 года; въ 1765 г. была пожалована во фрейлины. По словамъ Карабанова, была сговорена за генералъ-поручика князя Петра Михайловича Голицына, убитаго въ 1775 г. на дуэли Шепелевымъ, а послѣ вышла за князя А. А. Прозоровскаго; въ коронацію Императора Александра I, 15 Сентября 1801 г., пожалована въ статсъ-дамы, а дочь ея—во фрейлины; 18 Апрѣля 1809 г. княгиня Прозоровская получила орденъ св. Екатерины 1 кл., а въ 1813 г. сопровождала Императрицу Елисавету Алексѣевну въ путешествіи за границу, за что получила, по возвращеніи въ Петербургъ, въ знакъ признательности, небольшой портретъ Государыни въ медальонѣ, украшенномъ брильянтами, который всегда носила на груди, на цѣпочкѣ.

Отъ брака съ фельдмаршаломъ Прозоровскимъ, послѣднимъ въ родѣ, имѣла двухъ дочерей: Елену (р. 1781 г., † 1795 г.) и Анну (р. 1782 г., † 1863 г.; замужемъ за егермейстеромъ княземъ Федоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ).

Съ княгиней Анной Михайловной Прозоровской произошелъ въ жизни странный случай, едва не окончившійся трагически. Когда, въ 1795 г., умерла ея старшая дочь, Елена, смерть ея такъ подѣйствовала на княгиню, что она упала въ обморокъ, и всѣ старанія привести ее въ чувство были безуспѣшны. Доктора сочли ее мертвою; ее положили на столъ, и уже Дворъ и весь городъ спѣшили на панихиду, когда ея горничной и жившему въ ея домѣ французу доктору пришло въ голову, что княгиня не умерла, а находится въ летаргическомъ снѣ, что и оказалось на самомъ дѣлѣ. Княгиня ожила, поправилась и скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, 29 Сентября 1824 года. Императоръ Александръ II разсказывалъ впослѣдствіи ея внучкѣ, княгинѣ Ю. Ф. Куракиной, что въ дѣтствѣ всегда пугался княгини Анны Михайловны Прозоровской, которую видалъ при Дворѣ своей бабушки, такъ какъ ему сказали, что она разъ была уже мертвой.

(Съ портрета К. Рейхеля 1816 г.; собственность князя А. А. Голицына-Прозоровскаго, с. Раменское, Московской губ.)

22

La princesse ANNA MIKHAÏLOWNA PROZOROWSKY, 1747—1824, épouse du général feld-maréchal prince Alexandre Alexandrowitch Prozorowsky (né en 1732, † 1809), fille du général en chef prince Michel Nikititch Wolkonsky (né en 1715, † 1788), de son mariage avec Elisabeth Alexéewna Makaroff († 1782), naquit le 28 juin 1747; fut nommée demoiselle d'honneur en 1765. D'après Karabanoff, aurait été la promise du général lieutenant prince Pierre Mikhaïlowitch Golitzyne, tué en duel, en 1775, par Chépeleff; elle épousa le prince Prozorowsky; au couronnement de l'Empereur Alexandre Ier, le 15 septembre 1801, fut nommée dame de la Cour, et sa fille demoiselle d'honneur; le 18 avril 1809, la princesse Prozorowsky reçut l'ordre de Ste-Catherine de 1re classe, accompagna ensuite, en 1815, l'Impératrice Elisabeth Alexéewna dans un voyage à l'étranger, ce qui lui valut, à son retour à St-Pétersbourg, en signe de gratitude, un petit portrait de l'Impératrice dans un médaillon enrichi de diamants, qu'elle portait toujours sur la poitrine à une chaînette.

De cet hymen avec le feld-maréchal Prozorowsky, dernier de la race, elle eut deux filles: Hélène (née en 1781, † 1795) et Anna (née en 1782, † 1865; elle épousa le veneur prince Théodore Serguéewitch Golitzyne).

Une aventure singulière eut lieu dans la vie de la princesse A. Prozorowsky, elle faillit même se terminer tragiquement. Lorsque sa fille aînée, Hélène, mourut en 1795, sa mort impressionna tellement la princesse qu'elle perdit connaissance et tous les efforts pour la ranimer demeurèrent infructueux. Les médecins la crurent morte; on la mit sur un lit de parade et déjà la Cour et toute la ville se rendaient en hâte au service funèbre, quand il vint à l'idée de sa femme de chambre et d'un docteur français, qui demeurait chez elle, que la princesse n'était pas morte, mais était tombée en léthargie, ce qui fut en effet reconnu. La princesse revint à elle, se rétablit et s'éteignit dans un âge avancé, le 29 septembre 1824. L'Empereur Alexandre II racontait dans la suite à la princesse J. Kourakine, petite-fille de cette dernière, que, dans son enfance, la princesse A. Prozorowsky, qu'il voyait à la Cour de sa grand'mère, lui causait toujours une grande frayeur, parce qu'on lui avait dit qu'elle avait déjà été morte.

(D'après un original de Ch. Reichel, 1816, appartenant au prince A. Golitzyne-Prozorowsky, Ramenskoïé, gouv. de Moscou.)

22

Пис. Рейхель. 1816 | Peint par Reichel, 1816

Княгиня Анна Михайловна Прозоровская, 1747-1824 | La Princesse Anna Mikhaïlowna Prozorowsky, 1747-1824

23

Le prince CHRISTOPHE ANDRÉEWITCH LIEVEN, 1774—1838, second fils du général major André Romanowitch Lieven († 4 février 1781) et de Charlotte Karlowna Possé, sa femme, naquit à Kieff le 6 mai 1774 et fut inscrit à l'artillerie en 1779. Il fit ensuite une rapide et brillante carrière, mais, à 19 ans, le 29 septembre 1789, n'était que sous-officier. Le 5 décembre 1790, il passa enseigne au régiment Sémenowsky; le 1er janvier 1791, il devint sous-lieutenant et en 1794 lieutenant. Lieven prit part à la guerre de Suède (1790) et combattit dans les Pays-Bas les Français dans les rangs de l'armée autrichienne (1794). A son retour en Russie, le 20 février 1796, il fut promu lieutenant-colonel au régiment de dragons de Vladimir et passa ensuite dans les Mousquetaires de Toula. Envoyé au Caucase, il prit part à l'expédition du comte Zouboff contre la Perse, assista à la prise de Derbent et à l'expédition de Géorgie. Le 27 avril 1797, il devint aide de camp, le 27 juillet 1798, il fut d'emblée promu général major et aide de camp général et nommé le 12 novembre chef de la chancellerie de campagne de Sa Majesté. En possession de la croix de l'ordre de Malte et de la plaque de Ste-Anne, il fut le 22 février 1799, à la suite de sa mère, élevé à la dignité de comte par Paul Ier. En 1805, il prit part aux batailles de Vichau et d'Austerlitz, le 28 janvier 1806, il reçut St-Georges de 3e classe, et, l'année suivante, fut promu lieutenant-général. Il entra en 1808 au ministère des affaires étrangères, tout en restant aide de camp général, et le 31 décembre 1809, il fut nommé envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près du roi de Prusse. Il ne séjourna pas longtemps à Berlin; il reçut le cordon d'Alexandre le 17 février 1812, et fut appelé, le 5 septembre, au poste d'ambassadeur extraordinaire à Londres. Il y resta plus de 20 ans, survécut à un changement de règne et à des changements fréquents de la politique russe, au milieu de pénibles circonstances que traversait une Europe inquiète, circonstances qui auraient, peut-être, exigé un talent plus solide. Du reste l'activité diplomatique de Lieven paraît effacée par la brillante figure de sa femme, la fameuse Darie Khristophorowna Lieven, dont la vanité et l'ambition effrénée trouvaient satisfaction, non pas tant dans les actes excentriques de sa vie privée, que dans ses succès de „femme-diplomate" et de „Sybille" de la politique européenne. Lieven, couvert de décorations étrangères, général d'infanterie depuis 1819, prince sérénissime depuis 1826 (il avait bénéficié de ce titre octroyé à sa mère, la comtesse Charlotte Lieven), reçut la même année St-André et en 1832 St-Vladimir de 1e classe. Le 22 avril 1834, il fut rappelé d'Angleterre et élevé à la dignité de curateur du Grand-Duc Héritier Alexandre Nikolaewitch, plus tard l'Empereur Alexandre II.

Le prince C. A. Lieven mourut à Rome, le 29 décembre 1838, pendant le voyage du Césarévitch, qu'il accompagnait en Europe, et fut enterré dans son bien Mézoten en Courlande.

(D'après le portrait de Lawrence; propriété du prince sérénissime A. Lieven.)

23

Свѣтлѣйшій князь **ХРИСТОФОРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ЛИВЕНЪ**, 1774—1838, второй сынъ генералъ-майора Андрея Романовича фонъ-Ливена († 4 Февраля 1781 г.) отъ брака съ Шарлоттой Карловной фонъ-Поссе, родился въ Кіевѣ 6 Мая 1774 г.; былъ записанъ въ артиллерію въ 1779 г.; позднѣе Ливенъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру, несмотря на то, что 19-и лѣтъ, 29 Сентября 1789 г., былъ еще только штыкъ-юнкеромъ. Въ 1790 г., 5 Декабря, онъ былъ переведенъ въ Семеновскій полкъ прапорщикомъ, а 1 Января 1791 г. произведенъ въ подпоручики, въ 1794 г.—въ поручики. За это время Ливенъ участвовалъ въ Шведской войнѣ (1790 г.) и волонтеромъ въ Австрійской арміи во время кампаніи съ французами въ Нидерландахъ (1794 г.). По возвращеніи въ Россію, 20 Февраля 1796 г., Ливенъ произведенъ въ подполковники арміи, съ назначеніемъ во Владимірскій драгунскій, а затѣмъ въ Тульскій мушкатерскій полкъ. Отправленный на Кавказъ, участвовалъ въ походѣ графа В. Зубова противъ Персіи, былъ при взятіи Дербента и въ экспедиціи въ Грузію. Въ 1797 г., 27 Апрѣля, Ливенъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, а въ 1798 г., 27 Іюля, прямо произведенъ въ генералъ-майоры, съ пожалованіемъ генералъ-адъютантомъ, и назначенъ 12 Ноября начальникомъ Военно-походной канцеляріи Его Величества. Награжденный командорскимъ крестомъ Мальтійскаго ордена и Аннинской звѣздой, 22 Февраля 1799 г. Ливенъ сдѣлался графомъ вслѣдствіе пожалованія Павломъ I его матери въ графское достоинство. Въ 1805 г. графъ Ливенъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Вишау и подъ Аустерлицемъ и 28 Января 1806 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст., а въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1808 г., оставаясь генералъ-адъютантомъ, Ливенъ зачисленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ и 31 Декабря 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при королѣ Прусскомъ. Въ Берлинѣ Ливенъ оставался недолго; пожалованный 17 Февраля 1812 г. Александровской лентой, 5 Сентября того же года онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ ему суждено было пробыть болѣе 20 лѣтъ, пережить смѣну царствованія и неоднократныя перемѣны курса русской политики среди трудныхъ обстоятельствъ смутнаго положенія всей Европы, требовавшихъ, можетъ-быть, болѣе крупнаго таланта. Впрочемъ, дѣятельность самого Ливена, въ качествѣ дипломата, постоянно заслоняется въ исторіи тогдашней политики яркой фигурой его супруги, извѣстной Даріи Христофоровны Ливенъ, необузданное тщеславіе которой и честолюбіе искали себѣ удовлетворенія не столько въ эксцентричныхъ поступкахъ ея частной жизни, сколько въ успѣхахъ въ роли „женщины-дипломата“ и „Сивиллы“ въ общеевропейской политикѣ. Украшенный цѣлымъ рядомъ иностранныхъ орденовъ, Ливенъ съ 1819 г. генералъ-отъ-инфантеріи, а съ 1826 г. свѣтлѣйшій князь (вслѣдствіе пожалованія этого титула матери его, графинѣ Ш. К. Ливенъ), въ этомъ же году былъ награжденъ орденомъ св. Андрея, а въ 1832 г. звѣздой св. Владиміра 1-й степени. Отозванный изъ Англіи, князь Ливенъ, 22 Апрѣля 1834 г., на основаніи § 27 учрежденія объ Императорской фамиліи, назначенъ въ званіе попечителя къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу.

Сопровождая Цесаревича въ его путешествіи по Европѣ, князь Х. А. Ливенъ скончался въ Римѣ 29 Декабря 1838 года; похороненъ въ имѣніи Мезотенъ, въ Курляндіи.

(Съ портрета Лауренса; собственность свѣтлѣйшаго князя А. Н. Ливена.)

Князь Христофоръ Андреевичъ Ливенъ, 1770–1838 | Le Prince Christophe Andréewitch Lieven, 1770–1838

Княгиня ДАРЬЯ (Доротея) ХРИСТОФОРОВНА ЛИВЕНЪ, 1785—1857, дочь генерала-отъ-инфантеріи Христофора Ивановича Бенкендорфа, родилась 17 Декабря 1785 г.; мать ея, рожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, была лучшимъ другомъ Императрицы Маріи Θеодоровны, которая послѣ смерти ея, въ 1797 г., взяла на себя заботы о ея дочеряхъ, воспитывавшихся въ Смольномъ. Старшая изъ нихъ, Доротея, еще за годъ до выпуска была пожалована фрейлиной, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи курса, въ 1800 г., была выдана Императрицей замужъ за 26-лѣтняго графа Христофора Андреевича Ливена († 1838 г.). Первые годы своей замужней жизни графиня Ливенъ провела въ Россіи, въ придворной обстановкѣ, мало ее удовлетворявшей, и она съ восторгомъ привѣтствовала назначеніе мужа въ 1810 г. посланникомъ въ Берлинъ, а 2 года спустя—въ Лондонъ. Здѣсь она сразу заняла выдающееся положеніе въ англійскомъ обществѣ, и ея салонъ скоро сдѣлался мѣстомъ собранія крупныхъ государственныхъ людей. Но на дипломатической аренѣ, въ признанномъ за нею всей Европой качествѣ „женщины-дипломата“, „дипломатической Сивиллы“, графиня Ливенъ открыто выступила только послѣ Аахенскаго конгресса, на которомъ она близко сошлась съ Меттернихомъ, котораго позднѣе возненавидѣла; съ этой интимной связью и подъ ея вліяніемъ въ ней зародилась страсть къ политикѣ и дипломатическимъ интригамъ. Политическая ея карьера была прервана въ 1834 г. назначеніемъ князя Ливена воспитателемъ Наслѣдника. Ей пришлось вернуться въ Россію, но, несмотря на блескъ высокаго положенія при Дворѣ (съ 1828 г. она была уже статсъ-дамою), строгій этикетъ придворной сферы, при охлажденіи къ мужу и привычкѣ къ свободному и независимому образу жизни, страшно ее тяготилъ. Она „тосковала по Лондону и въ великолѣпномъ Царскосельскомъ дворцѣ чувствовала себя отдаленною отъ Европы“. Здоровье ея, сильно потрясенное смертью отъ скарлатины двухъ ея младшихъ сыновей, потребовало перемѣны климата, и она воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы уѣхать въ 1835 г. за границу и никогда больше не возвращаться въ Россію. Поселившись сначала въ Баденѣ, она скоро окончательно основалась въ Парижѣ, несмотря на настоянія мужа, убѣждавшаго ее вернуться въ отечество, и на „преслѣдованія“ Императора Николая Павловича, недовольнаго ея пребываніемъ во Франціи. Впрочемъ, вліяніе ея на политику вообще очень преувеличивалось и друзьями ея, и врагами; таковъ отзывъ о ней Императрицы Евгеніи, сказавшей, что Крымская война создана была „этимъ женскимъ посольствомъ“; между тѣмъ Шатобріанъ писалъ о Ливенъ: „Une femme commune, fatiguante, aride, qui n'avait qu'un seul genre de conversation, la politique vulgaire; du reste elle ne savait rien, et elle cachait la disette de ses idées sous l'abondance de ses paroles“. Смерть мужа въ 1838 г. развязала ей руки, а начавшаяся въ 1837 г., когда ей было уже 52 года, и до конца жизни бывшая „ея единственнымъ счастіемъ“ дружба съ Гизо дала ей возможность снова предаться въ Парижѣ своей страсти къ политикѣ; естественно, что ея привязанность и близость къ Гизо заставляли ее жить его интересами и содѣйствовать успѣху его плановъ всею ловкостью ея гибкаго ума, замѣнившаго обаяніе молодости.

Княгиня Ливенъ скончалась 15 Января 1857 г., въ Парижѣ, на рукахъ Гизо. Въ послѣдней своей запискѣ къ нему, писанной наканунѣ смерти, княгиня благодарила Гизо „за 20 лѣтъ счастья“. Похоронена она въ Курляндіи, въ родовомъ помѣстьѣ Мезотенъ, близъ Митавы.

Княгиня Ливенъ въ молодости не была красива; но высокаго роста, прямая и худая, съ слишкомъ длинной шеей, она имѣла гордую осанку и, по словамъ современниковъ, обладала какой-то невыразимой прелестью, отражавшеюся въ ея огненныхъ черныхъ глазахъ. При большомъ умѣ, она не отличалась ни образованностью, ни начитанностью, но владѣла въ совершенствѣ перомъ. Разсчетливая и эгоистичная, съ характеромъ прямымъ и правдивымъ, она отличалась постоянствомъ своихъ привязанностей и соединяла съ отсутствіемъ настоящей сердечности большую чувствительность. При этомъ она питала какой-то болѣзненный, неопредѣленный страхъ къ скукѣ: жизнь на виду у всѣхъ и постоянное общеніе съ умными и интересными людьми сдѣлались для нея существенною потребностью и научили ее глубокому знанію человѣческаго сердца. Этими ея качествами и недостатками одинаково объясняется ея успѣхъ среди самыхъ выдающихся государственныхъ людей ея времени; честолюбивая и не лишенная большой доли снобизма, она дорожила этими успѣхами болѣе всего и имъ же всего болѣе обязана была своею извѣстностью.

(Съ рисунка Лауренса, 1823 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La princesse DARIE (Dorothée) KHRISTOPHOROWNA LIEVEN, 1785—1857, fille du général d'infanterie Christophe Ivanowitch Benkendorf, naquit le 17 décembre 1785. Sa mère, née Schilling-von-Kanstadt, était la meilleure amie de l'Impératrice Marie Féodorowna; aussi, quand elle mourut en 1797, la Souveraine eut-elle soin de ses filles, élèves de l'institut Smolna. L'aînée, Dorothée, fut nommée demoiselle d'honneur une année avant la fin de ses études, et l'Impératrice lui fit épouser quelques mois après, en 1800, le comte Lieven, âgé de 26 ans († en 1838). La comtesse passa les premières années de sa vie conjugale en Russie, à la Cour, ce qui la contentait médiocrement, aussi accueillit-elle avec transport la nomination de son mari au poste d'ambassadeur à Berlin en 1810; deux ans plus tard, il fut transféré à Londres. Elle s'y fit à l'instant une place marquante dans la société anglaise, et son salon fut le rendez-vous des grands hommes d'Etat. Mais la comtesse Lieven ne débuta ouvertement sur l'arène diplomatique, où elle mit en œuvre ses capacités reconnues de l'Europe entière, qui lui donna le nom de „femme-diplomate", de „Sibylle diplomate", qu'après le congrès d'Aix-la-Chapelle, où elle se lia intimement avec Metternich, qu'elle vint d'ailleurs à détester quelque temps après. C'est grâce à cette liaison et sous son influence qu'elle se prit de passion pour la politique et les intrigues diplomatiques. Sa carrière politique fut interrompue en 1834 par la nomination du prince Lieven au poste de gouverneur de l'héritier. Elle dut revenir en Russie, mais, malgré sa brillante position à la Cour (elle était depuis 1828 dame d'honneur), la sévère étiquette qui y régnait, le refroidissement qu'elle ressentait à l'égard de son mari et l'habitude d'un genre de vie indépendant lui rendirent son existence pénible. Elle „regrettait Londres et, dans le superbe palais de Tzarskoé-Sélo, elle se sentait éloignée de l'Europe". Sa santé, fortement ébranlée par la perte de ses deux cadets, qui moururent de la scarlatine, exigeait un changement de climat; elle saisit cette occasion pour partir en 1835 à l'étranger et ne plus revenir en Russie. Elle habita d'abord Baden, puis elle se fixa définitivement à Paris, malgré les prières de son mari qui la persuadait de revenir dans sa patrie et les „instances" de l'Empereur Nicolas, mécontent de son séjour en France. Du reste son influence sur la politique a été en général fort exagérée et par ses amis et par ses ennemis. Telle est l'opinion de l'Impératrice Eugénie, qui disait que la guerre de Crimée avait été engendrée par „cette femme-diplomate". Chateaubriand écrivit ce qui suit de la princesse: „Une femme commune, fatiguante, aride, qui n'avait qu'un seul genre de conversation, la politique vulgaire; du reste elle ne savait rien, et elle cachait la disette de ses idées sous l'abondance de ses paroles". La mort de son mari en 1838 lui délia les mains, et son amitié avec Guizot, qui avait commencé en 1837, quand elle avait 52 ans, et qui fut jusqu'à sa mort „son unique bonheur", lui donna de nouveau la possibilité de s'adonner à la politique. Son attachement pour Guizot et son intimité avec lui lui firent naturellement vivre ses intérêts, et elle coopéra à la réussite de ses plans de toute la force de son esprit adroit et flexible, qui remplaçait en elle l'enchantement de la jeunesse. La princesse Lieven mourut à Paris, dans les bras de Guizot, le 15 janvier 1857. Dans le dernier billet qu'elle lui écrivait la veille de sa mort, elle le remerciait „pour un bonheur de 20 ans". Elle fut enterrée en Courlande, dans le domaine patrimonial de Mézoten, près de Mitau.

La princesse Lieven n'était pas belle dans sa jeunesse; grande de taille, droite et sèche et le cou long, elle avait une prestance orgueilleuse et, suivant le dire de ses contemporains, elle avait un charme inexprimable, qui se réflétait dans ses yeux noirs de feu. Elle avait un grand esprit; elle ne se distinguait pas par l'instruction et la lecture, mais elle était maître dans l'art d'écrire. Econome et égoïste, elle avait un caractère droit et juste, ses attachements étaient constants et, si l'on remarquait en elle l'absence de vraie cordialité, on voyait par contre sa grande sensibilité. Elle éprouvait une certaine crainte maladive, indéterminée de l'ennui. Une vie en plein jour et de constantes relations avec les savants et les hommes intéressants étaient pour elle une nécessité et elle y puisa une connaissance profonde du cœur humain. Ses qualités ainsi que ses défauts expliquent ses succès auprès des hommes d'Etat les plus distingués de son temps et, comme elle était ambitieuse et avait une grande dose de snobisme, elle tenait à ses succès plus qu'à autre chose et c'est à eux qu'elle doit le plus sa célébrité.

(D'après le dessin de Lawrence, 1823, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ХРАПОВИЦКІЙ, 1749—1801, сынъ бригадира и сержанта Лейбъ-Компаніи Василія Ивановича отъ второго брака съ Еленой Михайловной Сердюковой, по преданію, дочерью Петра Великаго, родился 7 Марта 1749 г. и былъ крестникомъ Великаго Князя Петра Θеодоровича; записанный въ Семеновскій полкъ, воспитанникъ Сухопутнаго шляхетнаго корпуса, произведенный въ 1766 г. въ поручики, Храповицкій съ юныхъ лѣтъ получилъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, поддержанную въ немъ одобреніями самого Ломоносова. Онъ занимался переводами, писалъ стихи и „трагедіи". Уже въ 1772 г. Новиковъ въ своемъ „Словарѣ" говорилъ о немъ: „Молодой и острый человѣкъ, любитель словесныхъ наукъ; писалъ много разныхъ стихотвореній и былъ похваленъ письмомъ г. Сумарокова"; его переводы „всѣ за чистоту слога, а сочиненія также и за остроту знающими людьми весьма похваляются". Въ то же время, состоя при графѣ К. Г. Разумовскомъ, Храповицкій былъ учителемъ извѣстнаго Радищева. Записанный въ масонскую ложу Елагина, человѣкъ для своего времени широко образованный, обладавшій бойкимъ перомъ, онъ, перейдя на службу въ Сенатъ, въ 1777 г. былъ уже оберъ-секретаремъ и любимцемъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго: по словамъ Державина, „онъ ввелъ легкій и пріятный слогъ въ канцелярскія дѣла", а Дмитріевъ „въ способности къ письмоводству" могъ сравнить его „развѣ только со Сперанскимъ". 18 Января 1782 г. Храповицкій опредѣленъ статсъ-секретаремъ Императрицы „при собственныхъ ея дѣлахъ" и, пробывъ въ этой должности 11 лѣтъ, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ ей и довѣреннымъ лицомъ. Памятникомъ этого періода его жизни остался его знаменитый „Дневникъ", ежедневная краткая запись всего, что видѣлъ и слышалъ Храповицкій въ кабинетѣ Екатерины II, съ подлиннымъ текстомъ всѣхъ словъ, отзывовъ и замѣчаній Императрицы; не своей литературной и служебной дѣятельностью, а этимъ „Дневникомъ" Храповицкій заслужилъ право на память въ исторіи: ни одна книга не даетъ лучшаго понятія объ умѣ, характерѣ и домашней жизни Екатерины II. Но этотъ же „Дневникъ", о которомъ провѣдала Императрица, былъ причиной удаленія отъ должности любимаго статсъ-секретаря, за котораго Екатерина „руку свою готова была дать на сожженіе, что Храповицкій не беретъ взятокъ". Ревнивая къ своей славѣ, Екатерина любила быть „Минервой", но не хотѣла перейти въ потомство со всѣми слабостями, слезами, особенностями обыкновенной женщины: 2 Сентября 1793 г. Храповицкій былъ назначенъ сенаторомъ. Искренній почитатель Екатерины, онъ, и оставивъ дворъ, убѣждалъ своего друга Державина воспѣвать неравнодушную къ похваламъ „Фелицу",—„владычицу Киргизскую".

„Тучный собой, имѣлъ Храповицкій нравъ гибкій, вкрадчивый и долженъ стать на ряду съ утонченными придворными: онъ умѣлъ ладить съ Вяземскимъ и Безбородкою, познакомился у Завадовскаго съ Мамоновымъ, былъ друженъ съ камердинеромъ Зотовымъ", когда же вступилъ на престолъ Павелъ, Храповицкій это „всевожделѣнное" вступленіе привѣтствовалъ одою, за что получилъ Аннинскую ленту.

„Увѣряютъ, будто Храповицкій, при всѣхъ достоинствахъ, имѣлъ одинаковую слабость съ безсмертнымъ Ломоносовымъ, только предавался оной, ложась спать, въ надеждѣ, что не будетъ потребованъ во дворецъ", когда же, по словамъ графа Блудова, „Екатерина звала его къ себѣ невзначай, не въ урочное утреннее время, то Храповицкому приходилось окачиваться холодной водою, чтобы предстать Монархинѣ въ скольконибудь благообразномъ видѣ": въ этихъ случаяхъ онъ переживалъ непріятныя минуты. Храповицкій не былъ усерднымъ сенаторомъ и писалъ: „Шалитъ въ Сенатѣ братья наша, ‖ Изъ многихъ дѣлъ выходитъ каша: ‖ У многихъ свой червякъ въ мозгу"! Въ обществѣ онъ былъ „торопленъ и застѣнчивъ, но предъ всѣми учтивъ и ласковъ; съ друзьями же живъ, остеръ и любезенъ, говорилъ съ точностью, складно и скоро"; по словамъ Карамзина, онъ былъ „добрый человѣкъ, хотя и худой стихотворецъ".

А. В. Храповицкій не былъ женатъ, но отъ Прасковьи Ивановны Гурьевой (р. 9 Октября 1757 г., † 16 Октября 1813 г.; похоронена на Фарфоровомъ кладбищѣ) у него было 4 сына (въ малолѣтствѣ утверждены въ дворянствѣ, записаны въ гвардію, получили фамилію и права законныхъ дѣтей) и 2 дочери. Прилагаемый портретъ, изображающій Храповицкаго въ концѣ его жизни (послѣ 1797 г.; совершенно неизвѣстный), идетъ изъ его потомства.

Получивъ 15 Сентября 1801 г. отъ Александра I чинъ дѣйств. тайнаго совѣтника, Храповицкій умеръ въ томъ же году, 29 Декабря, и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго г-жѣ А. Ф. Фуксъ, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE VASSILIEWITCH KHRAPOWITZKY, 1749—1801, fils du brigadier et sergent de l'escorte impériale, Basile Ivanowitch, et de sa femme en secondes noces, Hélène Mikhaïlowna Serdioukoff, que la légende dit être la fille de Pierre-le-Grand, naquit le 7 mars 1749 et était le filleul du Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Elève du corps des cadets, il fut inscrit au régiment Sémenowsky et fut promu lieutenant en 1766. Khrapowitzky eut, dès ses jeunes années, des dispositions littéraires, que Lomonossoff encourageait. Il s'occupait de traductions, écrivait des vers et des „tragédies". Novikoff écrivait de lui en 1772 dans son dictionnaire: „C'est un jeune homme subtil, aimant la littérature; il a fait beaucoup de différents vers et M. Soumarokoff fit son éloge par lettre"; ses traductions „étaient toutes fort bien accueillies par les personnes compétentes pour la pureté de leur style et ses compositions joignaient à cette qualité beaucoup de finesse". C'est vers la même époque que, se trouvant auprès du comte K. G. Razoumowsky, il devint le maître du fameux Radichtcheff. Il était membre de la loge Elaguine, c'était un homme très instruit pour son temps, il possédait une plume vigoureuse; aussi, quand il entra au Sénat en 1777, il était déjà premier secrétaire et le favori du procureur-général le prince Viazemsky. Suivant Derjavine, „il introduisit dans les dossiers de chancellerie un style léger et agréable", et Dmitrieff déclare que „ses capacités de secrétaire" ne pouvaient le faire comparer „qu'à Spéransky". „Le 18 janvier 1782, Khrapowitzky fut nommé secrétaire d'Etat de l'Impératrice pour ses propres affaires"; il remplit onze ans ces fonctions, sut se rendre indispensable et devint la personne de confiance de la Souveraine. Le monument littéraire de cette période de sa vie restera son célèbre „journal", court aperçu quotidien de tout ce qu'il avait vu et entendu dans le cabinet de Catherine II, avec le texte original de tous les dires et de toutes les remarques de l'Impératrice. C'est ce „journal" et non son service et son activité littéraire qui lui donna le droit de survivre dans l'histoire; aucun livre en effet ne nous donne une meilleure idée de l'esprit, du caractère et de la vie privée de Catherine II. Mais ce fut aussi ce „journal", dont l'Impératrice eut vent, qui fut cause du congé donné au secrétaire d'Etat favori; Catherine „était prête à mettre la main au feu que Khrapowitzky n'exerçait pas de concussions". Mais jalouse de sa gloire, elle voulait être „Minerve" et ne désirait point passer à la postérité avec toutes les faiblesses, les larmes et les autres particularités d'une femme ordinaire. Le 2 septembre 1793, Khrapowitzky devint sénateur. Sincère admirateur de Catherine, il persuada, après avoir quitté la Cour, à son ami Derjavine de chanter „Félitza",—„la Souveraine des Kirghiz" qui était sensible aux louanges.

„Khrapowitzky était obèse, il avait un caractère flexible, insinuant et pouvait se comparer aux courtisans les plus raffinés; il sut s'entendre avec Viazemsky et Bezborodko, fit chez Zavadowsky la connaissance de Mamonoff, était ami du valet de chambre Zotoff". Quand Paul monta sur le trône, Khrapowitzky célébra cet avènement „désiré de tous" dans une ode qui lui valut le cordon de Ste-Anne.

„On assure que Khrapowitzky avec toutes ses qualités avait la faiblesse de l'immortel Lomonossoff; il s'y adonnait seulement, en se couchant, dans l'espoir de n'être pas appelé à la Cour; „quand Catherine", selon le dire du comte Bloudoff, „l'appelait chez elle inopinément et non le matin à heure fixe, il était obligé de s'arroser d'eau froide pour se présenter convenablement à l'Impératrice". Il eut, sous ce rapport, des minutes fort désagréables à passer. Khrapowitzky n'était point un zélé sénateur: „Nos frères font des sottises au Sénat", écrit-il, „beaucoup d'affaires n'y aboutissent qu'à un gâchis; plusieurs ont une araignée dans le plafond". Il était dans la société „toujours pressé, embarrassé et timide, mais affable et caressant avec tous; il était avec ses amis vif, subtil, aimable, il parlait avec précision, couramment et vite"; suivant Karamzine, „c'était un bon homme, quoique mauvais versificateur".

A. V. Khrapowitzky ne fut pas marié, mais il eut de Prascovie Ivanowna Gourieff (née le 9 octobre 1757, † le 16 octobre 1813, et enterrée au cimetière de la fabrique de porcelaine) 4 fils (anoblis encore enfants et inscrits dans la garde; ils reçurent tous les droits des enfants légitimes) et deux filles. Le portrait ci-joint, représentant Khrapowitzky à la fin de sa vie (après 1797 et inconnu jusqu'à ce jour), nous vient de ses descendants.

Il reçut le 15 septembre 1801 d'Alexandre Ier le titre de conseiller privé et mourut la même année, le 29 décembre. Il est enterré au cimetière Lazareff, à la laure d'Alexandre Newsky.

(D'après le portrait, appartenant à Mme A. Fukhs, à St-Pétersbourg.)

Александръ Васильевичъ
Храповицкій, 1749–1801

Alexandre Vassiliewitch
Khrapovitzky, 1749–1801

2007088102